

新嘉坡
聯合書院

1900

- [Луи Жаколио](#)
 - [I. Пария](#)
 - [II. Песнь париев](#)
 - [III. Происхождение париев](#)
 - [IV. Семья у париев](#)
 - [V. Брак](#)
 - [VI. Рождение](#)
 - [VII. Различные племена париев](#)
 - [VIII. Книга поэта париев](#)
 - [IX. Басни париев, собранные в Травенкове, Малаялуме и на острове Цейлоне](#)
 - [X. Сказки и повести париев](#)
 - [XI. Драматические произведения париев](#)
- [notes](#)
 - [Note1](#)
 - [Note2](#)
 - [Note3](#)
 - [Note4](#)
 - [Note5](#)
 - [Note6](#)
 - [Note7](#)
 - [Note8](#)
 - [Note9](#)
 - [Note10](#)
 - [Note11](#)
 - [Note12](#)
 - [Note13](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Луи Жаколио
Парии человечества

I. Пария

Существование париев в Индии — это книга, окутанная тайнами, прочесть которую никто еще не дал себе труда. Установив, что эти отбросы браманического общества влачат свое существование в глубоком унижении, наука решила, что чандала, т. е. человек вне касты, совсем не достоин ее внимания, что его жизнь, полная отчуждения и страданий, не стоит того, чтобы быть предметом изучения. Но история человечества не должна иметь немых страниц, и это кажущееся равнодушие или забвение объясняется только трудностями, притом нередко неодолимыми, с которыми связано изучение париев.

Письменное предание остается. Понятно, что ученые знатоки Индии, большинство которых и не покидало Европы, не имея перед собою письменных документов по данному предмету, не могут ничего и говорить о нем. Следовательно, все, что только возможно сказать о париях, должно быть почерпнуто в изустном предании.

Но, к этому преданию нельзя прибегнуть в больших городах Индии, где пария живет на глазах у европейца, пользуется относительным покоем и забывает обычаи своих предков, заменяя их в гражданском и религиозном быте обычаями других каст, которые, хотя и протестуют. Но, не могут с этим бороться с тех пор, как браманизм утратил свое господство. И для того, чтобы изучить странные нравы, плоды векового притеснения, которое брамины применяли к париям без малейшей помехи и против которого Англия не осмелилась ничего предпринять. Надо проникнуть в глубь страны, странствовать по лесам и джунглям, жить целые месяцы в селениях париев, в отдалении от всех центров цивилизации, вечно борясь с тем отвращением, которое внушают их вонючие жилища и ни с чем не сравнимая безнравственность их обитателей. Надо выдержать этот ужасный климат болотистых местностей Индии, куда вынуждены были скрываться эти отверженные, для того чтобы соединяться в общественные группы, на что закон не дает им права, надо, наконец, коротко освоить хоть некоторые языки, на которых они говорят: тамул, телинга, канара, ульгу и т. д. Предрассудок, который обрушился на парию, пустил такие глубокие корни, что тот, кто пожелал бы его разрушить, должен предвидеть самое ужасное возмущение, какое было занесено на страницы истории. Полтораста миллионов людей поднялись бы как один человек и пошли бы на смерть со всем равнодушием фанатизма в тот самый день, когда издан

был бы указ об уничтожении каст. Такое средство никуда не годится, и им невозможно ввести париев в общий круг общественной жизни. В Индии насчитывается до сорока миллионов этих отверженных. Уже одна эта цифра показывает, что наука должна была бы проникнуться интересом к умственному и нравственному состоянию этого народа, который где-то в отдаленном углу земного шара живет среди других людей, внушая им не больше интереса, чем шакал или гиена. Мы долго колебались, прежде чем приняли решение напечатать мрачную картину этих терзаний, этих ужасов, которые приводят в трепет разум, и этих противоестественных пороков, в которых резюмируется положение индусского чандала. Но нам подумалось, что подобно тому, как бывает полезно вскрыть язву для того, чтобы ее вылечить, столь же полезно, может быть, и вскрытие общественных язв, хотя бы для того, чтобы внушить желание исцелить их. Мы действовали так же, как действует физиолог, производя вскрытие, и наше перо, как скальпель, не отступало перед ужасом истины.

II. Песнь париев

В той таинственной печальной драме, которая разыгрывается на земле уже сотни столетий, есть одна роль, для которой никогда не было недостатка в исполнителях, — это роль угнетенного, раба, отверженного парии.

Сколько раз мне случалось видеть бедного индуса, которому жреческое господство браминов отказывало в человеческом достоинстве, который шатающейся поступью пробирался по глухой тропинке, отыскивая себе в пищу какие-нибудь отбросы, из-за которых ему приходилось вступать в драку с шакалами и гиенами. Будь он болен, погибай он от голода, никогда ни одна дверь не отворится перед ним. Дети его рождаются посреди джунглей, тело его гниет в глухих углах, потому что он не имеет прав на обычное погребение. Притеснение, которому деспотизм жреца подверг всю его расу, простирается на него даже за гробом.

Среди париев, несмотря на всю их ужасающую приниженнность, однажды народился крупный поэт, по имени Тируваллува. Этот вдохновенный поэт изобразил вековые страдания своих сородичей в следующих строфах:

«Нужды нет, что Сурья (солнце) продолжает в небесных пространствах свой вечный бег, что он плотными спонами своих лучей, которые не в состоянии вынести глаз, освещает землю... Небо и земля, вы видите, что мы такое.

Что нам за дело, что три божества создают, сохраняют и преображают вселенную. Не для нас блестят они во славе своей... Небо и земля, вы видите, что мы такое.

Не для нас возносится к эфиру дым жертв, не для нас цветы покрывают землю, не для нас плоды висят на деревьях, не для нас текут священные воды Ганга... Небо и земля... и т. д.

Не для нас животные дают свой приплод и пчелы свой мед. Не для нас молодые девушки растирают в звонких ступках священную траву, из которой делают божественный напиток Сомы. Небо и земля... и т. д.

Не для нас агни создал огонь и не для нас бессмертный Индра создал молитву. Небо и земля... и т. д.

Где те источники чистой воды, из которых мы можем утолять свою жажду? Наше единственное питье — вода, которая расплескивается из

корыт, из которых поят животных. Небо и земля... и т. д.

Где поля, которые производят для нас рис и другое зерно? На земле нет ни одного стебля проса, ни одной соломинки, ни одного лепестка розы, который принадлежит нам. Небо и земля... и т. д.

Дикие звери имеют свою берлогу, змеи прячутся в муравейниках, птица свободно парит в воздухе, и любая древесная ветвь дает опору и защиту для ее гнезда и для ее песен. Агни обладает вселеною, Вапу — воздухом, Адитья — небом, Чандрамы — звездными пространствами, Видиут — облаками, люди четырех каст умирают и рождаются в жилищах своих отцов. Но сын парии, где он открывает глаза свои? Где та дружественная земля, которая примет его останки? Небо и земля... и т. д.

Когда женщины начертали на пороге жилища священные знаки, прогоняющие злых духов, когда все люди предаются покоя, где упокоится пария? Небо и земля... и т. д.

Когда каждый плачет в доме своем при снаряжении погребальной колесницы, увенчанной цветами, душа усопшего бывает довольна. Жидкий бальзам прольется на погребальный костер. Тот, у кого не отнята надежда, что его, уснувшего, будут сопровождать священные гимны, может с радостью ожидать пробуждения на небесах. Но где может умереть пария? Где может он иметь надежду возродиться? Небо и земля... и т. д. »

Мы часто слышали эту печальную, полную безнадежности песнь на Коромондельском берегу, в джунглях Травенкора и в лесах Малабарской земли. Иной раз ее пела монотонно и жалобно молодая девушка, сидя на берегу болота и плетя корзины, иной раз бедный мальчуган, гнавший тощую козу на пустынное пастибище, иногда одинокий старик.

И вот, став лицом к лицу с этими страданиями, выпавшими на долю многочисленного человеческого племени, мы естественно были приведены к желанию узнать, какое место в человечестве занимает оно.

III. Происхождение париев

Раньше думали, что парии — это потомки первобытного населения Индостана, завоеванного браминами. Но такое мнение проистекало из двойной ошибки. Прежде всего брамины вовсе не явились в Индию как завоеватели, а родились на берегах Ганга и Гадавери. Немецкие ученые создали себе известные антропологические теории, и им во что бы то ни стало нужно было населить древнюю Индию белокурым и рыжим племенем. Потому они и выводили индийских завоевателей то из Бактрианы, то из стран, лежащих по реке Оксусу, то с плоскогорий северо-восточной Азии. Но все их гипотезы, страдающие отсутствием научных доказательств, не имеют никаких преимуществ ни перед текстами Ману и Вед, ни перед мнениями самих браминов, которые считают колыбелью своей расы ту самую страну, которую они в настоящее время населяют.

Если бы даже на минуту принять теорию завоевания, то . и тогда нельзя было бы думать, чтобы завоеватели вместо того, чтобы просто обратить завоеванных в рабов и заставить их обрабатывать для себя землю и пасти скот, почему-то предпочли привести в полное бездействие силы нескольких миллионов людей, объявив их вне закона, создать для них положение хуже, чем для нечистых животных, лишить их земли, солнца, воды, риса и огня. Нет сомнения, что подобная мера, привела бы побежденных в полное отчаяние, вызвала бы смертельную борьбу, которая непрерывно возобновлялась бы, не принося завоевателю ничего, кроме явного вреда.

Пария возник из уголовного закона, навязанного бра- минами своим подданным, уже после того, как касты были учреждены. Всякое преступление против политического и религиозного владычества жрецов каралось гражданскою смертью. Человек, постигнутый этою ужасною карою, лишался отца, матери, жены, детей, имущества, касты. Каждый мог его убить, как дикого зверя. Каждый, кто оказывал ему какую бы то ни было помощь, давал ему приют, пищу, повергал себя в такое же самое положение, и ему оставалось только одно — бежать в леса и жить там, не питая ни малейшей надежды на восстановление своих прав.

Вот таким-то путем мало-помалу в среде нации сформировалась другая нация, считаемая нечистою, и которая в действительности представляла собою смесь представителей всех каст. В этом смысле Ману и называет париев «чандала», т. е. людьми смешанных каст. Подобно евреям,

этим париям Египта, индусские чандалы не замедлили сделаться опасными для общества, среди которого они жили. Брамины же вместо того, чтобы мудрыми путями призвать этих несчастных к возрождению, придумывали всевозможные меры и средства к тому, чтобы их окончательно принизить и пришибить.

Происхождению чандала мы уже посвятили очень подробный этюд в другой нашей книге, здесь же мы займемся толь ко нравами, верованиями, обычаями и преданиями париев, людей, находящихся в положении во сто раз худшем, чем рабство.

Мы уже указали на то, что происхождение этого исключительного из всех каст племени надо всецело приписать тому уголовному праву, которое было введено в Индии браминами. Теперь, прежде чем приступить к дальнейшему изложению предмета, мы приведем несколько цитат из различных постановлений, изданных кшатриями против париев. Эти постановления главным образом направлены на то, чтобы остановить их размножение. По этим текстам, кстати, будет видно, с какою беспощадною жестокостью относились к этим несчастным в тех случаях, когда они робко приближались к городам и селились в них или около них, и, пользуясь покровительством нравов, более снисходительных, чем законы, пытались хоть немного улучшить свое положение.

Вот, например, что говорится в одной из книг законов, так называемой Агадана-Састре:

«Ману говорит: чандалы рождаются от любодеяния, от кровосмешения и от преступления. Они не могут иметь другой одежды, кроме одеяния мертвых, не могут иметь другой домашней посуды, кроме черепков, их украшения могут состоять только из железа, они не могут поклоняться никому, кроме злых духов, они не могут жить оседло, а должны непрестанно переходить с места на место.

Мудрецы всех времен постоянно подтверждали эти установления. Чандалам воспрещается отправлять какие бы то ни было погребальные церемонии в честь своих предков, соединяться в селения, поддерживать между собою какую бы то ни было разницу кастового происхождения, с целью пользования кастовыми привилегиями. Они не имеют права приносить жертвы и возлияния воде и огню.

Им воспрещается произносить имя Брамы и таинственное слово, воспрещается читать, переписывать и преподавать другим книги ведь воспрещается писать слева направо, ибо такой способ писания принадлежит только добродетельным людям из четырех каст и предназначен для священного писания.

Для того, чтобы заключить условия между собою или с людьми других каст, так как им не возбраняется наниматься на работы по отвозу нечистот, уборки гниющих трупов, и по выделке кирпича, они не имеют права писать правой рукою и должны ставить буквы справа налево. Ибо правая рука предназначена для совершения жертвоприношения богам, и ею могут пользоваться только люди каст.

Да будет так, под угрозою смерти. Таков закон».

Как видно из этого текста, парии, постепенно придвигаясь к населенным местам, добились того, что им стали поручать кое-какие самые гнусные работы, например, отвоз нечистот и падали, или особенно тяжкие ремесла, например, выделку кирпича (работа под палящим солнцем Индии невыносимая, сокращающая жизнь). Можно также заключить, что эти несчастные делали попытки соединяться в поселки и даже завести у себя что-то вроде разделения на касты, наконец, осмелились даже спровоцировать какие-то религиозные церемонии. Все это в глазах их притеснителей принимало вид покушений на восстановление своих человеческих прав. Такие покушения, как видно, сейчас же подавлялись, и парии вновь ввергались в бродячее и одичалое существование. Пользование их работою старались ограничить кирпичным производством. Об этом мы находим специальное упоминание в Агадана-Састре:

«Дозволяется пользоваться кирпичами, выделанными людьми смешанных каст, ибо земля столь чиста, что не может быть осквернена прикосновением чандалов.

Отныне чандалы должны быть употребляемы единственно только для выделки кирпичей и глиняной посуды за счет вайсиев^{*note 1}. Их надлежит собирать отрядами и велеть им окружать кирпичными стенами города, строить из кирпичей пагоды и крепости, не выдавая им за то никакого иного вознаграждения, кроме пищи».

Вот еще постановление, касающееся пищи париев, которою наниматели должны были кормить их во время работы «да будет единственою пищею, какую дозволено им давать, только лук и чеснок, так как священные книги запрещают давать в снедь чандалам зерна и плоды, а также воспрещают им употребление огня».

«Чандалы не имеют права брать воду для своих надобностей ни из рек, ни из источников, ни из прудов, а только из болот и из водопойных помещений для скота. Воспрещается им мыть свое белье и тело. Вода должна служить им только для утоления жажды».

Итак, пользуясь этими текстами, мы можем в общих чертах восстановить всю картину житейского обихода тех париев, к которым

судьба была так жалостлива, что дозволила им войти в некоторое общение с людьми, принадлежащими к кастам. Им разрешался каторжный труд на солнце и у отверстия печей для обжига кирпича. Их пища состояла исключительно из сырых овощей, питье — из грязной воды. Им воспрещалась всякая забота об опрятности. Не подлежит сомнению, что самый сильный, обладающий богатырским телом и духом народ при таком жизненном укладе был бы доведен до скотского состояния.

Ближайшим последствием отсутствия хорошей питьевой воды и вынужденной неопрятности было развитие среди париев ужасных болезней. Так как при болезненном состоянии чандалы не могли быть употребляемы ни на какие работы, то издано было постановление, в силу которого у чандалов отбиралось в пользу казны всякое оказавшееся у них имущество, так что юридически они лишились права собственности.

Доведенные до полного отчаяния, несчастные предпочли совсем удалиться от других людей и повели кочевую жизнь, скитаясь в лесах и джунглях. Здесь они по крайней мере пользовались полной свободой, и единственными их врагами тут были только дикие звери.

Судя по санскритским текстам, чандалы в древние времена делали немало попыток пристроиться к жизни других людей, но каждый раз свирепые законы, вроде тех, которые мы только что привели, заставляли их бежать в пустыни, где их ждала свобода.

При мусульманском владычестве их положение не улучшилось, а скорее ухудшилось. При завоевании Индии европейцами, как мы уже говорили, они ровно ничего не выгадали.

Когда же, наконец, пробьет час пробуждения для этих отверженцев, которые в настоящее время так низко пали, что для их оправдания необходимо помнить, что они были жертвами свирепости жрецов?

IV. Семья у париев

У парии нет семьи в том смысле, какой с этим словом соединяется не только у цивилизованных народов, но даже у множества диких. Те из них, которые живут в больших городах — в весьма незначительном числе — пользуются оказываемым им покровительством для того, чтобы подготовлять своих женщин и даже маленьких детей к самому гнусному ремеслу. Благодаря насильственному одичанию, их нравственные понятия не зашли за ту ступень, где оценка добра и зла сводится к полному безразличию. Закон тут совершенно бессилен. Глубоко укоренившиеся понятия и нравы населения установили на парию взгляд как на нечистое животное и ставят решительную преграду всяким попыткам их нравственного возрождения. Чиновник-европеец, поставленный лицом к лицу с такими нравами, оказывается в состоянии самого жалкого бессилия.

Автор сам был чиновником во французских владениях Индии и по собственному горькому опыту очень хорошо знает, что пария считается человеком только по своему зоологическому обличию и по имени. Франция доказала бы свое великое умственное и нравственное превосходство над Англией с ее бесчеловечным равнодушием, приняв на себя неустанный труд освобождения этих несчастных отщепенцев из-под гнета тяготеющих над ними закона и обычая.

Париями, в строгом смысле слова, мы будем считать только тех, подлежащих брахманским законам отверженцев, которые живут за чертою человеческого общества, в болотах, пустынях, лесах. Этих людей обычно называют париями джунглей.

Известный знаток Индии Дюбуа дает такую характеристику этих людей:

«В лесах Малабарского берега встречаются племена, которые считаются далеко ниже диких зверей, разделяющих с ними эти дикие пространства. Им не позволяет даже строить себе хижины, чтобы защитить себя от непогоды. Они сооружают себе только навесы на четырех бамбуковых столбах, со всех сторон открытые, эти навесы еще кое-как защищают от дождя, но никак не могут защитить от ветра. Многие из них сооружают себе что-то вроде гнезд среди самых густых зарослей и в этих гнездах укрываются на ночь, словно какие-то хищные птицы. По проезжим дорогам, даже по тропинкам, они никогда не осмеливаются ходить. Вообще, если они заметят издали кого-нибудь, идущего им навстречу, то

обязаны предупредить его особым криком, сами же должны обойти место встречи стороною. Они не имеют права садиться с людьми других каст ближе, как на сто шагов. Если кто-нибудь, чем бы то ни было вооруженный, встречает на своем пути одного из этих несчастных, то имеет право убить его тут же на месте, не неся за это никакой ответственности. Эти парии или панди, как их называют, ведут совершенно одичалую жизнь и не имеют никаких сношений с остальными людьми».

Дюбуа удалось посетить одно из тайных убежищ, где ютились эти несчастные. Это был жалкий шалаш, чтобы войти в него, пришлось опуститься на четвереньки.

«И вот я вполз в это отвратительное логово. Я держал около рта платок, смоченный в крепком уксусе, и это отчасти охраняло мое дыхание от того ужасающего смрада, который охватил меня со всех сторон. Внутри шалаша прямо на голой земле лежал какой-то скелет, у которого под головою не было даже или камня, или куска дерева, чтобы заменить подушку. На этом несчастном был только истерзанный кусок какой-то рвани, который далеко не мог прикрыть всего его тела. Я сел на землю рядом с этим человеком, и первые слова, которые он произнес слабым умирающим голосом, были: „я умираю от голода и холода“.

Конечно, не все парии живут так, как этот несчастный, но лишь немногие из них имеют обеспеченный кусок хлеба на завтрашний день. Но это только те, которые здоровы, а те, которым случается захворать, почти неминуемо попадают в такое же положение, в каком Дюбуа нашел этого несчастного. Больного все покидают, никто о нем не заботится. Даже родной сын ни крошки не уделит больному отцу из того скучного запаса кореньев и трав, какой он насбирает за день в лесу.

В некоторых областях Индии париям позволяют строить деревни и, следовательно, соединяться в общины, при условии, однако же, чтобы эти селения располагались в уединенных местах, вдали от селений кастовых людей. Но эти грубые зачатки общественной жизни мало облегчают положение париев. Они прежде всего не имеют права собственности на землю, которую заняли под свое жилище, так что люди из ближайшей деревни с кастовым населением могут прийти и занять их землю, а их самих прогнать. Случается, что так и делают, в особенности в тех случаях, когда парии расчистят окружающую их селение землю и произведут на ней посев. Поэтому-то парии никогда не приступают к обработке земли, если не уверены самым положительным образом, что жатва достанется им, а не другому.

Среди этой беспрерывной борьбы за жизнь дух семьи, конечно, не мог

развиться у парии джунглей, как и у парии городского. Но все-таки нравы парии-дикаря несколько мягче, чем парии городского, и его нравственность не так далеко отступает от законов природы, как у его вконец развращенного сородича. Он соблюдает кое-какие кастовые различия, которые напоминают собою что-то древнее. Быть может, это пережиток тех попыток удержаться в цивилизованной жизни, какие делали еще его предки-чандалы. Между тем пария городской утратил всякое представление о своем прошлом, и в его памяти не живет ровно ничего из остатков прошлого. Даже поэтическое чувство, высоко развитое у восточных народов, и то проявляется у парии джунглей. Он, например, помнит множество древних песен, сказок, басен, прибауток, героических рассказов и,, хотя большую частью не понимает их смысла, знает их наизусть, декламирует и напевает. Совокупность всех этих произведений свидетельствует о том, что у его предков существовала обширная устная литература, явно указывающая на гораздо более высокий уровень духовного развития, чем у современного парии. В этой литературе сохранилось даже несколько драматических произведений, являющихся по своему содержанию сатирами на людей касты и, конечно, по преимуществу на жрецов. Судя по совершенству стиля, по идеям и по выполнению, эти вещи вероятно были сочинены какими-нибудь браминами, изгнанными из своей касты и изливавшими в этих сатирах свое мстительное чувство к собратьям. Нам удалось раздобыть после долговременных розысков несколько образчиков таких произведений, и мы в этой книге представим их перевод. К сожалению, трудно предъявлять вниманию европейского читателя полные переводы этих произведений без всяких пропусков, потому что бесцеремонное отношение авторов к вопросам приличия и к опрятности языка часто выходит из всяких границ.

Всматриваясь в духовное состояние париев, особенно поражаешься им потому, что оно есть явление упадка. В подобном же состоянии мы видим массу диких и полудиких народов, например, в Африке. Но эти народы, подобно младенцам, еще не выросли, не дошли до духовного уровня взрослого человека, однако, поестественному ходу вещей можно питать надежду, что они вырастут и разовьются. Парии же, наоборот, это как бы взрослые люди, уже достигшие полного расцвета духовных сил, но извергнутые из общества и, под давлением несноснейших притеснений, утратившие человеческий образ. Иному могло бы показаться, что, будучи отринуты своими собратьями, они прониклись каким-то адским духом злобы и сами постарались подавить в себе последние остатки всего человеческого как бы в отмщение за свою обиду. У них, например,

сохранилось в памяти множество молитв, заклинаний, стихов и церемоний, очевидно, заимствованных из древнего браминского культа, но они придали всему этому вид диких, безумных, донельзя гнусных, а иногда и преступных фарсов.

Приведем пока один только пример. У индусов существует древний обычай: когда старец проживает последние часы своей жизни, его переносят на берег какой-нибудь реки из числа тех, которые в Индии считаются священными (Ганг, Годаверри, Кришна, Кавери), если же река далеко, то выносят его на берег пруда ближайшей пагоды. Имеется в виду, что умирающий, взирая в свои последние минуты на эти священные воды, очищается этим от грехов своих. У париев сохранился в памяти остаток этого обычая, но он принял у них совсем другой вид. Когда у них готовится к смерти дряхлый старец, который уже не в состоянии сам себя прокормить и которого никто не желает взять на свое попечение, то сыновья или другие близкие родственники относят его за милю или за две от жилья, куданубудь в густую заросль, и там прямо бросают, оставляя на съедение диким зверям.

Но самый перенос этой жертвы, обреченной на съедение, совершается с известным церемониалом. Жертву кладут на носилки из древесных ветвей, покрывают ее тело дикими цветами, и процессия направляется к избранному месту, громко распевая такие строфы, которые невозможно слушать без ужаса европейцу, понимающему туземный язык. Чувство ужаса подчеркивается еще тем, что первую строфиу обычно затягивает старший сын умирающего.

Приводим здесь текст этого песнопения, которое очень наглядно характеризует отношение между членами семейства у париев.

Старший сын.

«Ну-ка! Уберем с соломы эту старую рухлянь, которая стала ни к чему не пригодною».

Провожатые и носильщики.

«Ха-ха! Нынешним вечером у шакалов будет настоящий пир».

Старший сын.

«Он больше не может ходить, и мы не хотим ради него ходить».

Провожатые и носильщики.

«Ха-ха! Сегодняшний вечер у коршунов будет настоящий пир».

Старший сын.

«Он не может больше ходить в лес и там собирать для себя травы и коренья, а мы не можем за него ходить собирать их».

Провожатые и носильщики.

«Ха-ха! Сегодняшний вечер у черных воронов будет настоящий пир».

Старший сын.

«Зубы у него стерлись как у старого слона, он не может больше есть, а мы не можем есть за него».

Провожатые и носильщики.

«Ха-ха! Сегодняшний вечер у гиен будет настоящий пир».

Старший сын.

«Он не может больше лазать на кокосовые пальмы, чтобы воровать орехи у земледельцев, а мы не можем воровать за него».

Провожатые и носильщики.

«Ха-ха! Сегодняшний вечер у диких волков будет настоящий пир».

Старший сын.

«Он не может больше ходить за водой, а мы не можем ему носить воду».

Провожатые и носильщики.

«Ха-ха! Все звери воют от радости: у них сегодня вечером будет пир».

Старший сын.

«Он больше не может ни видеть, ни говорить, ни слышать. Разве может другой человек видеть, слышать и говорить за труп?»

Провожатые и носильщики.

«Ха-ха! Когда другие звери все растащат, червям ничего не останется».

Старший сын

«Ну-ка! Швыряйте эту старую падаль, которая стала ни на что не годною! Брюха шакалов — кладбище для париев».

Провожатые и носильщики.

«Ха-ха! Собирайтесь сюда, все братцы из джунглей! Вот вам пиршество на сегодняшний вечер».

После этого старца оставляют на его ложе из ветвей и цветов, и все уходят. Обыкновенно, не успеет еще пройти и ночь, как от несчастного полуторупа почти ничего не остается. Звери накидываются на него целою стаю прежде, чем он успеет испустить дух.

Во все время моего странствования мне дважды случилось встретить такую процессию. За несколько монеток мне удавалось выручить умирающего и снова водворить его в его жалком шалашике, но надолго ли, я не знаю. Мы, европейцы, слишком малочисленны в Индии, чтобы наш почин в этом деле мог что-нибудь значить, ввиду закоренелых предрассудков ста пятидесяти миллионов индусов и добровольного попустительства со стороны Англии.

В пределах французских владений такие «похороны» строжайше

запрещены. Но наша территория так мала, что наш благой пример не приносит никаких благих плодов.

Для того, чтобы поднять парио, чтобы ввести его полноправным членом в великую человеческую семью, Европа должна была бы предпринять такой крестовый поход, какой был совершен ради освобождения негров. Но ведь это значило бы восстать против Англии, которая прикрывает свое недостойное хозяйничанье в Индии знаменем прогресса и цивилизации. Кто же на это решится?

Вот факт, который еще свеж в памяти у всех.

Пекинское правительство, опираясь на то разрушительное в физическом и духовном отношениях влияние, какое оказывает на китайцев опиум, запрещает ввоз этого продукта в пределы Китая.

Но Англия ежегодно ввозит в Небесную Империю более чем на четыреста миллионов франков этого прибыльного товара, добываемого ею в своих индийских владениях.

Что же она предпринимает в связи с Пекинским указом? Спокойно и без всяких колебаний она решается отстоять выгодную статью своей торговли. Она силою врывается в китайские гавани, знать не хочет правительственный указ, сламывает вооруженное сопротивление и навязывает свой товар. Китайцы могут себе продолжать отравляться в свое удовольствие вопреки воле их правительства, слишком слабого, чтобы оборонить их от яда.

Во время войны 1870 года в совете Министров Франции поднимается тревожный вопрос о том, не пожелает ли Англия, пользуясь тем, что у нас руки связаны войною, напасть на наши владения в Африке, по берегу Слоновой Кости? Этого на самом деле не случилось, однако, во время прений по африканским делам в английском парламенте вполне открыто поднимался и обсуждался этот вопрос. Один лорд даже упрекал правительство в том, что оно не воспользовалось благоприятным случаем.

Конечно, не от такой нации надо ожидать освобождения париев.

V. Брак

Парии не приписывают ни малейшей важности тем формальностям, которые предшествуют союзу мужчины с женщиной, и можно думать, что те немногочисленные церемонии, которые ими выполняются при свадьбе, служат у них только предлогом для нескончаемых оргий.

Молодые люди обоего пола живут у них ровно ничем не стесняемые, так что, когда они достигают зрелого возраста, то у них утрачивается всякое понимание того чувства, которое мы называем стыдом, которое так глубоко укоренилось в нас, и явные следы которого мы находим даже у самых духовно убогих диких народов. Я не думаю, чтобы в целой Индии среди париев можно было встретить девочку шести лет, которая еще не утратила бы своей невинности.

Тем не менее обычай браков все-таки сохранился у париев, и когда молодой человек достигает шестнадцатилетнего возраста, он начинает искать себе жену. Только при этом он вовсе не имеет в виду приобрести себе подругу жизни и создать семью в нашем смысле слова, а ему просто желательно обзавестись рабочей скотиной, на которую можно взвалить большую часть хозяйственных дел и забот.

Как только он наметил себе невесту, он сейчас же начинает прикладывать (если только не позабылся раньше сделать это) большой запас разного зерна, кореньев и в особенности кокосового вина. Эти припасы ему совершенно необходимы для того, чтобы в течение целого месяца обильно потчевать всю семью своей невесты, причем подразумевается, что вся эта семья в течение этого льготного месяца увольняется от всяких забот по собственному пропитанию.

Вообще, пить и есть до отвала — высшее блаженство для парии, и если при этом он освобождается от всяких забот и трудов, то этим завершается весь цикл его мечтаний, так что жених, не позабывшийся о достаточно обильном запасе продовольствия, будет только напрасно тратить время на ухаживание. Да с ним и разговаривать не станут.

А собирание этого запаса дело весьма хлопотное. Надо собственноручно наплести корзинок, циновок, надо наловить разных редких птиц и животных, надо приручить гепарда, и все это сбыть за деньги европейцам, любителям разных редкостей. А главное, надо очень деятельно и осторожно странствовать в жатвенное время по полям, садам и огородам соседних земледельцев, чтобы наворовать там как можно больше

всякого съедобного добра.

И вот во всеоружии этого оригинального выкупа искатель спутницы жизни предстает перед очами ее родителя. С ним в этих случаях всегда являются в роли ассистентов два-три родственника или друга. Претендент, обращаясь к хозяину, держит такую речь:

— Отдай мне эту женщину. У меня есть чем сотворить радость вашему чреву в продолжение месяца. — Родитель начинает торговаться. Ему, конечно, желательно, чтобы даровое кормление и сопряженное с ним блаженство праздности продолжалось как можно подольше. И вот он принимается превозносить добродетели своей дочки. Она каждый день приносит домой столько-то и столько-то вязанок хвороста, она собирает столько-то зерна, плетет столько-то корзин. С такой женой муж не будет знать никаких забот, будет сыт не ударивши палец о палец. А претендент на руку его дочери только и знает, что преподносит ему при перечислении всех этих пунктов порцию за порцией кокосового вина. Несговорчивый родитель вскоре оказывается значительно под хмельком и становится уступчивым. И вот, наконец, он в присутствии двух свидетелей, которых приводит с собою претендент, произносит следующую обычную формулу:

— Даю тебе эту женщину, и пусть злые духи овладеют телом ее, если она не будет повиноваться тебе как раба.

А претендент и в действительности не представляет себе будущую подругу жизни иначе, как в виде рабыни. С той минуты, как она вступает под кровлю убогого шалаша своего мужа, она понесет на себе все самые тяжкие работы. Она будет с утра до ночи бродить по лесам в джунглях, добывая топливо, собирая дикие плоды, разные коренья, травы, молодые всходы бамбука и трупы всевозможных животных, погибших от болезней или старости. По вечерам она будет плести корзины из тростника, ткать грубые ткани и шить из них одежду, если только такого названия может заслуживать то, чем парии покрывают свое тело. А ее супруг в это время будет греться на солнышке и если изредка будет прерывать это сладостное времяпрепровождение, то разве для того только, чтобы избить ее до крови за малейшую провинность.

Дюбуа, долго проживший среди париев, в следующих словах описывает их домашнюю жизнь.

Их нечистоплотность приводит в ужас. Их хижины, кишащие насекомыми и загаженные всяческими нечистотами, способны внушить, пожалуй, еще большее отвращение, чем они сами. Черты лица у них обычно суровые, грубые, наглядно характеризующие их духовное состояние. Но их духовная грубость даже превышает грубость их

внешности. Они все предаются пьянству, которое у индусов считается гнуснейшим пороком. Упиваются они перебродившим пальмовым соком, носящим по имени пальмы название каллу. Это весьма мерзкий вонючий напиток, возбуждающий тошноту, но они глотают его, словно нектар. Состояние почти постоянного опьянения порождает между ними ссоры и драки, очевидно, служащие для них большим развлечением. За неимением поводов к драке с посторонними, они обрушаются на своих женщин, с которыми обращаются очень жестоко, они бьют их, часто не обращая внимания на то, что те беременны. Частые выкидыши, которые случаются среди них, я приписываю этому дурному обращению.

Индусы в особенности возмущаются отвратительными качествами тех припасов, какие парии употребляют в пищу. Они, например, издали чуют запах падали и со всех сторон сбегаются к ней, вступая из-за нее в драку с собаками, шакалами, воронами и другими плотоядными животными. Они рвут на части полусгнивший труп, тащат эту добычу в свои хижины и там ее пожирают часто даже без риса или какой бы то ни было другой приправы. Им нет никакой заботы до болезни, от которой пало животное. Случается, что они нарочно отравляют коров и буйволов своих соседей-индусов, чтобы потом питаться их трупами, когда чистоплотные индусы выкинут эту падаль в лес.

Трупы животных в каждой деревне по обычному праву принадлежат так называемым тотти, т. е. батракам-работникам. Эти люди, зная вкусы париев, продают им мясо палого скота. Парии, если они не в состоянии сразу съесть всю приобретенную партию говядины, остаток провяливают на солнце и сохраняют в своих хижинах на черный день, когда станет нечего есть. В редкой хижине париев не увидишь целые гирлянды этих отталкивающих клочьев мяса. Но гнилой запах, который от них исходит, нимало не беспокоит хозяев, и только человек, которому случайно приходится быть около жилища парии, слышит этот запах и по нему тотчас же узнает, на чью обитель он случайно набрел. Этой ужасной пище я и приписываю большую часть тех заразных болезней, которые часто свирепствуют среди париев, в то время как жители соседних индусских селений этими болезнями не поражаются.

Молодая девушка, выросшая в такой среде, выходя замуж, в сущности не испытывает никакой перемены в своей жизни. Раньше она работала на своего отца и братьев и терпела побои от них, а выйдя замуж, будет работать на мужа и терпеть побои от него, а впоследствии и от своих собственных детищ мужского пола.

В день, назначенный для свадебной церемонии, выступает на сцену и

играет главную роль так называемый валлув. Это своего рода жрец, хотя вся его специальная выучка состоит только в том, что он знает наизусть несколько заклинаний против злых духов. Он и сочетает новобрачных. Самый же чин бракосочетания состоит в том, что он кладет им в рот по щепотке соли и мажет им лоб грязью из золы, изготовленной из коровьего помета. При этом он бормочет какие-то заклинания и через известные промежутки времени бьет в там-там, этими звуками и заклинаниями от сочетающихся удаляются всякие пагубные влияния.

Как только церемония окончена, начинается оргия в самых изумительных размерах. Родители, родственники, приглашенные гости, численность которых соображается с запасами яств и питий, доставленных новобрачным, принимаются обедаться и опиваться, а при наступлении ночи разбредаются по соседним зарослям и там предаются чудовищному разгулу, в подробности которого нет никакой возможности вводить.

Чаще всего случается, что провизии, запасенной якобы на целый месяц, на самом деле хватает едва лишь на неделю. Но так как каждый из участников пиршества всю эту неделю пил и ел до отвала, то все чувствуют себя удовлетворенными и не жалуются на неисполнение обещанного. Все мирно расходятся по домам, давая тут же обещание ровно через год, в годовщину свадьбы, устроить вскладчину пир для новобрачных.

Пария — человек не столько невежественный, сколько глубоко испорченный, и притом испорченный под давлением могучих внешних обстоятельств, совершенно от него не зависящих, сопротивление которым было бы под силу разве только совершенно исключительной натуре, достигшей высшего духовного просвещения. Поэтому все их пороки и внешние, и внутренние было бы в высшей степени несправедливо ставить им в личный счет.

Заметим в заключение, что развод у париев совершается с такою же легкостью, как и брак.

VI. Рождение

Почти у всех народов, на какой бы низкой ступени развития они не стояли, рождение ребенка обязательно сопровождается хоть какими-нибудь религиозными церемониями. У париев не приводилось наблюдать ничего подобного. Родительская любовь не присутствует в этом событии, и отцу оно не причиняет ничего, кроме затруднений.

Можно утверждать, что не менее половины новорожденных детей у париев погибает в течение первого месяца жизни, главным образом оттого, что их бросают почти на произвол судьбы, некоторая часть новорожденных прямо истребляется самими родителями.

После разрешения мать роет ямку где-нибудь в углу хижины, бросает туда охапку сухой травы и листьев и кладет на это ложе своего новорожденного. Его отчаянные вопли, по-видимому, мало беспокоят ее, да если бы и беспокоили, так она все равно не в состоянии была бы уделить ему много внимания, потому что супруг даже и в этот день не склонен оказывать ей ни малейшего снисхождения и заставляет ее исполнять все обычные работы. Чаще всего ей удается покормить грудью новорожденного лишь на следующий день.

Для того, чтобы в ее отсутствие младенца не беспокоили мухи, комары и другие насекомые, она прикрывает его колыбель-нору большим камнем, оставляя лишь маленькое отверстие для свежего воздуха, чтобы ребенок не задохся. Покончив с этим делом, мать уходит на несколько часов, иногда на весь день за своею добычею в леса и джунгли. Случается, что, вернувшись домой, она находит камень отодвинутым в сторону и пустую ямку. Это означает, что в ее отсутствие в хижину наведались шакалы, привлеченные воплями ребенка, и, не встретив никакой помехи, овладели им, как законной добычей.

Такое зрелище, конечно, приводит в отчаяние бедную мать, потому что материнское чувство у жалких существ не могли начисто вытравить никакие притеснения. Но все-таки она не смеет очень громко жаловаться, ее вопли и стоны могли бы беспокоить супруга, вкушающего сладостный отдых, и тогда ей пришлось бы круто.

Тяжкие работы, которые несет на себе женщина у париев, и столь же частые побои, которым она ежедневно подвергается, не дают ей возможности долго сохранить добрые качества кормилицы. Обычно через два месяца после родов, а иногда и через месяц, молоко у нее иссякает.

Поэтому часто уже через две недели после рождения она начинает подкармливать своего малютку кашею из риса или из проса. Но иногда она так бедна, что не в состоянии добыть этих продуктов, и тогда она заменяет зерно кореньями и травами, которые варит или печет, пока они не превратятся в такую мягкую массу, чтобы малютка мог ее легко проглатывать. Иная трудолюбивая и заботливая мать путем долгих и кропотливых сбережений успевает прикопить деньжонок, чтобы купить себе тощую козу, которую она и пасет где-нибудь по соседству в джунглях. Такая жалостливая мать некоторое время подкармливает своего малыша козьим молоком, конечно, в строжайшей тайне от мужа, который, узнав об этой козе, не только будет сам выпивать ее молоко, но под пьяную руку или под давлением усиленного аппетита и самую козу не задумается зарезать и съесть. Судьба же собственного детища навряд ли будет им принята в соображение. Повсюду, где мне удавалось наблюдать женщину в Индии, в Океании, на равнинах дальнего Запада в Америке, я видел материнскую нежность более высокой степени, нежели нежность отцовская. И в других областях духовного развития женщины у дикарей сплошь и рядом опережают мужчин. Из этого можно заключить, что издревле начавшееся порабощение женщины вовсе не явилось результатом ее низшей натуры, а должно быть рассматриваемо как следствие свирепой тирании со стороны мужчины.

Таким образом у париев ребенок растет, почти всецело предоставленный самому себе. Наступает день, когда он, опираясь на свои слабые ручонки и колени, вылезает из своей норы, а затем выползает из хижины, чтобы погреться на солнышке. Мало-помалу он привыкает бегать на четвереньках, как животное. Равнодушие к нему родителей простирается до таких пределов, что они и не подумают обучать его ходьбе на ногах, и он продолжает ползать на четвереньках иной раз до четырех и пяти лет. Но на шестом, седьмом году его уже можно использовать, как рабочую силу. Тогда отец, наконец, обращает на него некоторое внимание, стараясь извлечь из него возможную пользу и с этой целью потратит некоторые усилия на его дрессировку. Но чем только не делаются несчастные дети париев с самого нежного возраста!

Пария не различает добра от зла.

Он не почитает своих предков, не почитает и родного отца.

Он не служит охранителем своей жены.

Он развращает своих детей.

Не прав был поэт париев Тируваллува, утверждая в своих звучных стихах, что пария такой же человек, как и все другие люди. Пария — не

человек.

VII. Различные племена париев

Индусы в своем презрении смешивают всех париев в одну сплошную массу, и не устанавливают между ними никакого различия по племени и по происхождению. На самом же деле парии носят разные имена, смотря по местности, где они обитают, и по занятиям, которым предаются. Все они вместе взятые внушают одинаковое отвращение людям полноправных каст, но между собою парии проводят совершенно определенные разграничительные черты, почти такие же резкие и глубокие, как и та, которая их отделяет от остальных индусов.

Самый распространенный на юге Индии класс париев — это курубару. Эти люди занимаются многими ремеслами, которые в силу религиозных предрассудков индусов считаются оскверняющими и позорными. Так как люди из других каст чуждаются этих ремесел, то курубару являются в них монополистами. Это обстоятельство многим из них дает возможность достичь некоторого благосостояния, если только глубоко укоренившаяся, можно сказать, племенная склонность к пьянству не отшибает у них всякой охоты к сбережениям. По какому-то странному излому мышления те товары, которые выделяют курубару, свободно обращаются на рынках и не считаются нечистыми, каковым казалось бы должно было считаться все, что выходит из их нечистых рук. Люди из каст купцов и ремесленников могут спокойно пользоваться этими вещами. Однако же представители двух высших каст — браминов и воинов — не могут пользоваться этими вещами.

Некоторые из курубару занимаются перевозкою соли на ослах с Коромандельского берега. На вырученные деньги они покупают рис и другие зерновые и перепродают их потом своим сородичам. Кто-то плетет корзины и циновки из прутьев и бамбука. Для того, чтобы добить себе работу, они беспрерывно должны переходить с места на место. Как только они появляются в какой-нибудь деревне, местный старшина прежде всего отводит место для их стоянки на все времена их пребывания. Когда все их дела с местными жителями заканчиваются, и никто больше не заявляет надобности в их услугах, они обязаны немедленно удалиться.

Эти курубару, по словам Дюбуа, подобно нашим цыганам, занимаются хиромантией и всякими другими способами предсказания. Для того, чтобы входить в сношения с жителями разных местностей, курубару с течением времени создали особый язык, который понятен и им, и индусам разных

племен. Вообще, по их нравам, обычаям, по образу жизни они очень напоминают наших европейских цыган. Предсказаниями занимаются по преимуществу их женщины. Но ворожба их отличается от ворожбы наших цыган некоторою особенностью церемониала. Наша цыганка просто берет руку и, глядя на нее, плетет, что ей приходит в голову. Ворожея же курубару, усадив перед собою своего клиента и заставив его протянуть руку, бьет в маленький барабан и читает какое-то заклинание, которое заканчивается быстро и громко произносимым набором разных непостижимых слов. Только после этого она приступает к подробнейшему изучению линий руки сидящего перед нею простофили и предсказывает ему все худое и доброе, что с ним должно приключиться.

Очень долгое время происхождение наших цыган было темным и спорным вопросом. Его разрешение совершилось путем лингвистических сближений. Оказалось, что наши цыгане говорят языком, весьма схожим с наречиями некоторых племен, обитающих в Декане, откуда и можно было заключить, что цыгане — выходцы из этой местности.

Женщины курубару искусные татуировщицы. В Индии молодые женщины очень любят татуироваться, и бродячие артистки очень искусно накалывают им на теле фигуры птиц, цветов и разные символические рисунки.

Другое очень распространенное племя париев, носящее имя коллабантру, живет в лесах и горах Малабарского берега. Эти занимаются по преимуществу грабежами и кражами, и за ними так и утвердилась репутация великих артистов по этой специальности. Родители с самого нежного возраста приступают к выучке своих чад, а в то же время подготавливают их к выносливости по части побоев и вообще всяких лишений, каковые им угрожают в их будущей карьере. Тут главным образом имеется в виду закалить будущего вора, чтобы впоследствии, будучи пойман и подвергнут пытке, он не выдал ни себя, ни своих сообщников, не взирая ни на какое усердие палачей. Англичане лишь недавно уничтожили пытку в индийском законодательстве, так что еще и теперь можно встретить представителей племени колла-бантру без носа, без ушей, а иного даже и без правой руки. Такова кара за воровство, предписываемая законами Ману. Само собой разумеется, что в глазах соплеменников эти увечные статьи свидетельствуют о доблести изувеченных.

Колла-бантру в самом деле изумительные артисты по части кражи. Они умеют проскользнуть ночью в жилой дом и буквально опустошить его, не потревожив никого из спящих обитателей. Есть между ними такие доки,

которые даже снимают все украшения со спящих женщин, не разбудив их. Один из моих знакомых, путешествовавший в Майссуре, однажды ночевал в своей повозке, держа в руке заряженный револьвер и вообще приняв все меры безопасности, так как очень хорошо знал, что та местность кишит ворами и грабителями колла-бантру. Несмотря ни на какие предосторожности, он был начисто ограблен, так что ровнехонько ничего не слышал, а между тем у него с мизинца был снят очень дорогой перстень. Утром он вспоминал только, что во время сна чувствовал какой-то легкий зуд в этом мизинце и даже наполовину проснулся от этого ощущения, но не придал ему значения и снова заснул. Обычно колла-бантру совершают свои артистические подвиги по ночам. В Индии, стране тропической жары, человек измается за день так, что, когда ночью его охватит относительная свежесть воздуха, он спит крепко, и в это время можно с ним распорядиться по собственному усмотрению.

Есть еще особый класс воров, так называемые, каноджи, но эти специализировались на краже пищевых припасов, преимущественно разного зерна, риса, проса, сорго и других. Крадут они не из жилищ, а прямо с полей, когда приближается время жатвы. Нагрянут обычно целой шайкой и живо кончают дело. На другой день владелец посева приходит посмотреть на свое добро и находит лишь аккуратно сжатый участок.

В Травенкоре и Майссуре обитает племя ламбади, внушающее местным жителям немалый страх. Я сам редко встречал этих людей и не видал, где они ются, поэтому что английская полиция загнала их в неприступные дебри гор. Но вот что говорит о них Дюбуа:

О происхождении этого племени ничего не известно. У них своя особая религия, особые нравы и обычаи, какие не встречаются в других кастах Индии. Эти ламбади очень опасные и смелые хищники и грабители. Одно время от них местному населению не было житья, потому что они грабили решительно все, что только попадало под руку. Но потом начались против них жесточайшие преследования, которые несколько ограничили их хищничество. Они уже не смеют предаваться открытому грабежу. •Но горе путнику, который попадется им в руки в укромном месте. Эти люди очень охотно поступают в войска тех маленьких царьков (раджей), которые еще не признали английского владычества. Эти войска, в сущности, простые шайки воров и грабителей, потому что они знать не знают никакой дисциплины. Ламбади охотно идут в эти войска, потому что находят в них все благоприятные условия для применения на практике своих грабительских наклонностей. Случается, что два соседних независимых царька поднимают войну. Тогда для ламбади наступает сущее раздолье.

Они предлагают свои услуги и той, и другой воюющей стороне, избирая в данный момент ту из них, где предвидится больше поживы. А если вслед за тем фортуна станет более ласковой к противной стороне, то ламбади спешат перебежать туда. Кроме того они хорошо зарабатывают в военное время, как носильщики и возчики. У них имеются волы, и они поставляют целые обозы для перевозки военных грузов и припасов. Так, например, во время войны англичан с Майсурским султаном, англичане наняли их в количестве нескольких тысяч для передвижения своих припасов. Однако наниматели потом горько раскаивались в своей оплошности. Им было известно, что они связываются с людьми, свободными от всяких уз совести и нравственности, и должны были заранее взвесить это. Их возчики с таким азартом грабили местности по пути своего следования, что подвергли их почти полному опустошению, да и самим англичанам нанесли такие убытки, какие не нанесла бы и неприятельская армия. Англичане без всякой пощады расправлялись с их главарями, но эти несчастные ничего не могли поделать со своими строптивыми подданными.

В мирное время эти разбойники прикидываются купцами. Они скапуют и перепродают зерно и соль, перевозя эти товары с места на место на своих волах. Но как только в области вспыхивает война, или просто только становится неспокойно, они сейчас же настороже, ловя первый благоприятный момент для того, чтобы безнаказанно предаться грабежу. Злополучные жители области не так трепещут перед вторжением неприятельской армии, как перед набегом ламбади, почувствовавших добычу. Из всех париев эти ламбади обладают самою зловещею внешностью. Черты лица у них грубые и жестокие и у мужчин, и у женщин, выражение лица злобное и лукавое. Их внешность сразу выдает всю внутреннюю суть. Полиция зорко следит за ними на всем полуострове, потому что, где бы они не появлялись, от них нельзя ожидать добра

Женщины их очень безобразны и отталкивающе неопрятны. Сверх того они отличаются распущенностью нравов, чуть не вошедшую в пословицу по всей Индии.

Ламбади приписывается еще другой жестокий обычай, а именно человеческие жертвоприношения. Когда наступает время совершения этого обряда, они, как рассказывают, очень ловко и таинственно похищают первого попавшегося человека, уводят его куда-нибудь в пустынное место и закапывают по самую шею в землю. Затем они месят муку в тесто, выделяют из этого теста нечто вроде чашки, чашку эту ставят на голову своей жертвы. В чашку наливают масла, в масло опускают четыре светильни и зажигают их. После того все участвующие в

жертвоприношении берутся за руки и, образовав круг около жертвы, с дикими криками и воплями исполняют какой-то дьявольский танец.

Есть еще у ламбади один удивительно курьезный обычай, в происхождение и значение которого никак не удалось до сих пор проникнуть: они пьют воду, только взятую из источников и колодцев и никогда не пользуются водою из рек и прудов. В случаях неизбежной необходимости они выкапывают яму на самом берегу реки или пруда и ждут, пока в эту яму просочится вода. Эту воду им можно пить, она становится как бы родниковою или колодезною.

За последнее время кровавые междоусобицы в Индии мало-помалу прекращаются, потому что независимые раджи один за другим подчиняются Англии. Вместе с тем у ламбади отнимаются случаи к их обычным подвигам. Но это обстоятельство нисколько не смягчает их нравов, и они по-прежнему живут в полном отчуждении от остального населения, с которым входят в сношения лишь побуждаемые к тому крайнею нуждою. Ламбади по складу своей жизни, настоящие кочевники, подобно древним обитателям Декана Их главное имущество — скот, и их главари иногда обладают значительными стадами волов, буйволов и ослов. Кочуют они всегда группами по десяти, двадцати, тридцати семей. Они живут в кибитках, плетеных из лозняка или бамбука, которые везде возят с собою. Каждая семья обладает такою кибиткою. Обычные размеры этого жилья — семь-восемь футов в длину, четыре-пять футов в ширину, и три-четыре фута в высоту. В этой клетке сгруживаются отец, мать, дети, куры, часто даже и свиньи, другого крова и защиты от непогоды у них нет. Свои стоянки они устраивают в самых глухих и потаенных местах, чтобы отбить у любопытствующих всякую охоту подсматривать, как они проводят время у себя дома и чем занимаются.

Кроме плетеных изделий и всех принадлежностей, необходимых при кочевой жизни, у них всегда есть еще запасы провизии, главным образом в виде разного зерна, и разные домашние принадлежности для изготовления пищи.

Таким образом в ряду других париев, ведущих не только нищенский, но почти животный образ жизни, ламбади могут считаться чуть не богачами. Притом же у них есть скот, который служит и для передвижения грузов, и для пищи.

Эти кочевники разбиты на множество отдельных групп, и в каждой из них установились особые нравы, обычаи и законы, так что каждая такая группа образует особую маленькую, независимую республику, управляемую собственными законами.

Окрестное население никогда не имеет никаких сведений о том, что творится среди этих людей. Вожди каждого племени избираются и смещаются общим подачею голосов. На их обязанности все время, пока власть держится в их руках, лежит забота о поддержании порядка, разбор всевозможных тяжебных дел и приведение в исполнение судебных приговоров. Все это у них, конечно, совершенно своеобразно и не имеет ничего общего с соответствующими актами жизни цивилизованных народов.

Постоянно кочуя из области в область, эти бродяги не платят никаких податей правительству. Так как большинство из них не владеет никаким имуществом, то и не имеет никакой надобности в покровительстве закона. Правосудие у них свое, домашнее, и в правительственные суды они не обращаются со своими делами. Им некого просить о помиловании, потому что, находясь под гнетом общего презрения, они и мечтать не смеют ни о каком милосердии.

Другой бродячий класс париев, это так называемые оттеры или колодезники. Эти люди тоже постоянно бродят с места на место, в поисках работы. Кроме рытья колодцев они принимают на себя также исправление каналов, плотин и запруд. Нравы у них такие грубые и скотские, что они считаются настоящим бичом той местности, где поселились, их, впрочем, и выговаривают немедленно вслед за тем, как они кончат работу, ради которой переносили их присутствие.

В южной части полуострова есть еще племя, члены которого носят имя паканатти и говорят на языке телинга. Лет двести тому назад они входили в состав признанной и законной местной касты голлавару, т. е. пастухов. Эта каста считалась разветвлением третьей индусской касты купцов (судра). Они занимались земледелием. Потом перешли на скотоводство и так пристрастились к этому занятию, с его кочевым образом жизни, пришедшему им по натуре, что с тех пор их стало невозможно вернуть к прежней оседлой жизни. Самый же переход к пастушеству был вызван тяжким оскорблением, которому подвергся один из их главарей со стороны начальника той провинции, где они жили. Так как они не добились воздаяния за эту обиду, которое их удовлетворило бы, то они в виде мщения за нанесенную обиду поднялись все, как один человек, ушли из той области, раз и навсегда покинули земледелие.

С тех пор они ни разу даже и не подумали о возвращении к прежнему образу жизни и теперь беспрестанно бродят с места на место, никогда и нигде не приживаясь. Некоторые из их главарей, с которыми мне приходилось сталкиваться, уверяли меня, что все их племя состоит из двух

тысяч семей, и что часть их бродит по области Телинга, а другая — по Миассуру. Их старшины иногда собираются на совместные совещания, на которых разбирают дела своих подчиненных.

Эта каста паканатти, из всех кочевых народов, самая мирная, причиняющая наименее вреда населению. Правда, они обычно бродят целыми шайками, но никто никогда и нигде не ставил им в счет воровства или грабежа, совершенного скопом как это делают, например, ламбади, о которых говорено выше. Если же отдельные члены касты совершают какое-нибудь преступление, то их за это суворо наказывают свои же соплеменники, среди которых учрежден весьма бдительный полицейский надзор. Живут они в нищете, самые богатые из них владеют разве только несколькими буйволами да коровами и продают их молоко. Большая часть из них занимается тем, что собирает разные травы да коренья, употребляющиеся либо в лекарство, либо для разных технических целей, например, для окраски тканей. Этот товар у них охотно забирают местные туземные врачи и мастера.

Надо еще упомянуть о так называемых домберах, которых включают в число самых жалких отверженцев среди индусского населения. Эта группа париев состоит из всякого рода шарлатанов и фокусников, среди них попадаются акробаты, жонглеры, странствующие актеры, атлеты, борцы, канатные плясуньи и т. д.

Некоторые из этих бродяг собираются в компании и образуют группы бродячих артистов. Они бродят по самым захудальным деревенькам, населенным представителями низшей касты, и представляют главным образом религиозные мистерии, вроде десяти воплощений Вишну. Другие артисты этого рода бродят небольшими группами и дают представления на подмостках, сооружаемых посреди улицы, они разыгрывают смешные, грубые и совершенно неприличные фарсы. У многих из них есть куклы, похожие на наших Петрушек, тут тоже идут на сцене такие пьесы, которые были бы нестерпимы для зрителя-европейца. В Индии, эти артисты сплошь представители четвертой касты, т. е. разных ремесленников, рыболовов, птицеловов, вообще людей, на которых представители высших каст смотрят чуть ли не с таким же презрением, как на париев. Далее отметим племя каходу-курувер, это земледельцы, но земледельцы особенные, бродячие. Они заявляются куда-нибудь в дикий лес или в джунгли, расчищают клочок земли и засевают его. Но когда жатва поспела, они снимают ее, и вместе с нею сами снимаются с места и уходят.

Так называемые солигуру занимаются врачебным искусством, но исключительно в среде париев. У них есть известные лекарства, и они не

без пользы применяют их. Но к этим средствам они присоединяют еще разные заговоры, заклинания, возвзвания к демонам, от которых, по местному верованию, исходят все хворости, и которых надо умилостивить, чтобы добиться исцеления недужного. Однако же я должен сказать, что был очевидцем того, как один солигуру вылечил человека от проказы, в наличности которой не было никаких сомнений. А известно, что эта ужасная болезнь не поддается никакому лечению по приемам европейской медицины. И невольно задаешь себе вопрос: не обладают ли эти люди, которые вечно бродят по лесам и джунглям, вечно возятся с разными травами и кореньями, изготавляя из них целебные снадобья, какими-нибудь особенными, совершенно европейцам неизвестными врачебными средствами, которые им могла доставить роскошная тропическая флора? Этот вопрос было бы очень интересно изучить на месте какому-нибудь искренно преданному науке европейскому врачу, которого бы не испугала необходимость прожить несколько лет среди лесов и джунглей Индии, в обществе своих полудиких коллег.

В некоторых местностях Малабарского берега встречается племя, носящее название малаи-кондиайриу. Это грубые дикари, но все же не так далеко отступившие от общественной жизни, по крайней мере низших классов населения Индии, как племена, только что нами упомянутые. Малаи-кондиайриу живут в лесах. Их главное занятие — извлечение сока из пальмы каллу. Часть этого сока идет на их собственное пропитание, а остальное они продают. Извлечением сока занимаются исключительно женщины, которые достигают величайшего совершенства в искусстве лазить по деревьям.

Люди этой касты ходят совершенно нагие, и только женщины обматывают себя небольшим куском ткани, да и то больше для соблюдения условного приличия. Последний независимый Майсурский раджа во время одного из своих вторжений в горную область встретил толпу этих дикарей и был весьма смущен их наготою. Он был мусульманин, и хотя его индийские единоверцы в частной жизни не очень церемонны, зато вне дома, на публике, проявляют утонченную щепетильность в соблюдении скромности и приличий и в этом смысле особенно требовательны к женскому полу. Раджа велел привести к себе старшин встреченной толпы и задал им вопрос: по какой причине они сами и их женщины не носят на теле никаких покровов? Старшины сослались, во-первых, на свою нищету, а затем и на обычай своего племени. Раджа на это возразил, что он требует и повелевает, чтобы они носили одежду, как все прочие обыватели области, и что если у них нет средств на приобретение одежды, то он будет

доставлять им каждый год безвозмездно запасы тканей в достаточном количестве.

Дикари, понуждаемые своим владыкою, принялись униженно и усердно молить его, чтобы он избавил их от такой напасти, что одежда для них одно мученье. Они заключили свои мольбы уверением, что если он будет настаивать на своем, в противность их укоренившимся обычаям, то они скорее решатся уйти из его области, нежели подчиниться такому варварскому притеснению, и уйдут куда-нибудь в другой отдаленный лес, где их оставят в покое. Раджа отступил.

Нам остается упомянуть еще о последней группе париев, о так называемых иеру-вару. Это тоже дикари по укладу жизни, но далеко не достигшие тех степеней испорченности, как другие.

Иеру-вару живут в области курга и окружающих местностях, составляя несколько групп, рассеянных по лесам. Это настоящие парии, но так как страна, в которой они живут, населена народом, относящимся к париям с некоторым снисхождением, то их легко принимают на всякого рода работы, в том числе и на земледельческие.

Побуждаемые нуждою, иеру-вару приходят из своих лесных дебрей в населенные места и нанимаются в батраки к местным крестьянам, которые ставят их на самые тяжкие работы, а вознаграждают натурою, т. е. отсыпают им несколько мер проса или риса. Но только эти дикари народ удивительно беззаботны. До тех пор, пока у него в шалашике остается мерочка зерна, он ни за что на свете не пойдет ни на какую работу. Он поднимается с места только тогда, когда уже доест последнее зернышко из своих запасов. Окрестные жители дорожат этими дешевыми работниками, стараются по возможности не обижать их, потому что они очень злопамятны. Если один из них претерпел обиду, то и все другие принимают ее к сердцу, и тогда уж никто из них не пойдет в работники к хозяину, обидевшему их соплеменника. Примирение же с ними обходится недешево.

Иеру-вару ведут чрезвычайно простую жизнь. Они не употребляют никаких украшений, до которых так охочи индузы, а особенно их женщины. Они и в пище чрезвычайно умеренны и редко претендуют на что-либо кроме соли и перца, которыми приправляют свою обычную еду, зерна и коренья.

Эти дикари народ очень мирный и тихий. У них нет никакого вооружения, и часто достаточно только одного появления чужого человека, чтобы целая толпа их обратилась в бегство.

Индузы, как мы видели, относятся к ним с терпимостью, однако ставят им на счет колдовство, которым будто бы они занимаются. Индузы глубоко

убеждены, что иеру-вару, посредством разных волшебных операций, могут наносить вред своим недругам.

Среди них соблюдается некоторое деление на касты. Они никогда не едят говядины. Они сохранили обычай очищения после прикосновения с нечистыми вещами. А эти обычаи, как известно, свято соблюдаются индусами признанных каст. Очень возможно, что это племя париев не было отторжено от общества, а само от них отторгнулось по каким-то неведомым причинам и превратилось в дикарей. Именно за этот-то дикарский образ жизни индусы и презирают всех вообще париев, презирают их также и за то, что они очень невнимательно относятся к религиозным церемониям, и, наконец, за гнусную распущенность нравов, которая царит среди многих племен: обжорство, пьянство, пожирание падали и разных нечистых животных, вроде крыс, змей, шакалов, к которым индусы питают неодолимое отвращение.

Все это, да еще в сочетании с религиозным предрассудком, укоренило в индусе такое отвращение к парии, что он скорее согласится тысячу раз умереть, чем ввести парио в свою семью. Для правоверного индуса уже одно только мимолетное общение с женщиной парией влечет за собою неминуемое отлучение от касты.

VIII. Книга поэта париев

Мы уже сказали раньше, что пария не столько невежествен, сколько испорчен. Самое печальное в его положении именно то, что он не младенец, который еще не достиг духовного развития, свойственного взрослому, а, наоборот, взрослый человек, уже достигший полного расцвета духовных сил, а потому опустившийся, развращенный, павший. Такое падение в истории человечества очень обычное явление, постигающее целые народности. В этом, быть может, и все несчастье парии. Недоросля можно воспитать, причем он и сам этому поможет процессом своего собственного дозревания. Но что делать с павшим взрослым? Его, как старика, склонившегося под грузом лет, уже не приведешь снова к годам возмужалости, силы и крепости.

Что же касается до духовного развития париев, то мы не имеем никакого права утверждать, что они все поголовно впали в полный идиотизм. Мы знаем, что у них есть довольно обширное устное творчество, и что во главе ее стоит замечательная книга, автором которой считается уже упомянутый нами знаменитый поэт париев Тируваллува. Книга эта, носящая название «книги обязанностей», чрезвычайно популярна среди париев. Иные ее знают всю наизусть, и редкий не знает из нее хотя бы несколько строф. Написана же она, как огромное большинство древних индусских книг, в стихотворном размере, так что ее обыкновенно декламируют нараспев.

Внимательное изучение этой книги должно убедить нас в том, что пария не остается в неведении о тех основных правилах здравой морали, которая принята во всяком благоустроенном обществе. Если бы дело состояло только в том, чтобы внушить париям здравое нравственное понятие, то одной этой книги было бы достаточно как руководства, ибо с ее содержанием знакомы чуть ли не все 40—50 миллионов париев, живущих в Индии. Но мы уже сказали, что причина скотского состояния париев чисто внешняя, не зависящая от них. Пария подобен человеку, у которого связаны руки и ноги, и который брошен на произвол судьбы. Очевидно, что для того, чтобы такой человек мог начать человеческое существование, надо снять с него веревки и предоставить ему свободу действий. Но это-то именно и невозможно при существующих в Индии порядках общественного устройства. Мы уже говорили об этом и еще раз повторяем, что вздумай Англия издать закон, освобождающий париев из-под гнета

тяготеющего над ними проклятия, — ей придется подавлять бунт 250 миллионов индусов, которые поднимутся как один человек, в глубоком убеждении, что им приходится отстаивать свою религию, свои самые священные верования, наконец, просто-напросто, весь склад своей общественной жизни.

Книга, о которой мы завели речь, вещь в самом деле замечательная уже в одном только том отношении, что ее одобрили и приняли даже брамины, хотя знают, что ее автор пария, что вся она проникнута симпатиями к отверженным, и что она написана для них. Брамины придумали и имя автору этой книги. Это они назвали его Тируваллува. Тиру — значит божественный, а Валлува — пария-жрец.

Эту книгу уже несколько раз пытались перевести на европейские языки, но попытки ограничивались отдельными частями книги. Раньше других появился перевод миссионера Вески, сделанный латинскими стихами. Но этот перевод сделан по рукописи, тщательно выправленной браминами, которые, само собою разумеется, исключили из книги все, что в ней касалось человеческих прав париев. -

Потом появился перевод лондонского Библейского Общества еще более сокращенный. Третий перевод сделан Лемерессом, инженером путей сообщения, долго служившим в Пондишери. Но он ничем не отличается от перевод Вески, потому что сделан с той же рукописи.

Во всех этих переводах, как уже сказано, сделаны самые существенные упущения, которыми уничтожена основная суть произведения. Автор главным образом имел в виду провозглашение великого принципа равенства людей. Все его введение в книгу и представляет собою в сущности ни что иное, как торжественное требование человеческих прав для его братьев париев. А между тем это введение совершенно исключено из переводов на европейские языки.

Я много лет напрасно старался отыскать полный и не искаженный список этой книги. Только случайно в одном из храмов на юге Карнатика мне удалось, наконец, достать полный список этого любопытного литературного памятника. Туземные знатоки местной литературы уверяли меня (причем я, конечно, не ручаюсь за точность этих уверений), что все существующие списки «книги обязанностей» представляют собою в сущности вольные фантазии переписчиков, из которых каждый считал себя вправе искажать подлинный текст по своему усмотрению. Во всяком случае, ходячие списки, обработанные браминами, попадаются во множестве. Добыть их очень легко. Отсюда понятно и то заблуждение, в которое впали все прежние переводчики. Видя, сколь распространена эта

книга, они считали ее, так сказать классикой, и делали перевод с первого попавшегося в их руки экземпляра.

Многие брамины, когда я говорил им о добытом мною полном списке книги, пытались уверить меня, что все, относящееся в ней до париев, является позднейшим добавлением к первоначальному тексту. Но едва ли это так. Тируваллува сам был пария и задался целью написать книгу для париев.

Я не хотел принимать на себя роли судьи в этом вопросе и сделал полный перевод знаменитой книги без всяких пропусков.

Для того, чтобы дать понятие как об основном замысле автора, так и о духе его произведения, мы приводим здесь полный перевод его вступления, а затем дадим лишь краткое и сжатое описание всего дальнейшего текста книги.

Вот это вступление.

«Тот, кто страдает, кто молится и кто любит — человек. Пария страдает, молится и любит. Пария — человек.

Все те, кого солнце обогревает своими лучами, все те, которые разрезают землю острием плуга — люди. Пария пользуется солнцем и кормится плодами земли. Пария — человек.

Все те, кому разум говорит: это добро, это зло — люди. Пария познает добро и зло. Пария — человек.

Все те, которые почитают предков, воздают уважение своим отцам, защищают своих жен и своих детей — люди. Пария приносит жертвы душам предков, чтит своего отца, охраняет свою жену и своих детей. Пария — человек.

Горе тем, которые наложили запрет на землю, на воду, на рис и на огонь для париев, ибо парии — люди.

Горе тем, которые их прокляли. Горе тем, которые принудили их ютить старость прадеда и колыбель младенца в местах, где укрываются дикие звери, ибо парии — люди.

Горе тем, которые отбросили париев в каству коршунов с желтыми когтями и гнусных шакалов, ибо парии — люди».

Далее следует возвзание к Браме.

«Брама, зародыш и начало вселенной, подобно тому как буква А, — первая буква в азбуке.

Вы никогда не приобретете знания, ежели не падете распростертыми у божественных стоп того, от которого исходит всяческая мудрость.

Бессмертная жизнь на небесах ожидает тех, которыесыпают цветами дивные стопы верховного существа.

Тот, кто недоступен любви и ненависти в делах этого обреченного на гибель мира, дает мир и здоровье на семь света всем, кого видит распростертыми у ног своих.

Тот, кто обладает основательным познанием верховного существа, обладает познанием истины.

Вечное блаженство в бессмертии ожидает того, кто творит добро и не поддается ни одной из тех страстей, которые проистекают из пяти чувств.

О, Брама, не ты ли научаешь любить добродетель, единственное прибежище для души против бедствий мира сего! Не ты ли, бесконечный из бесконечных, помогаешь нам пройти через все переселения, какие суждены человеку, чтобы достигнуть небесной обители?

Не ты ли создал всех людей равными, и не ты ли разгневанным оком смотришь на тех, которые говорят братьям своим: уйдите отсюда, ибо вы нечистые твари.

Тот, кто не знает тебя и не почитает тебя в твоей славе и в делах твоих, тот живет на сей земле, подобно части тела, пораженной проказою. Он как слепой, не могущий составить себе понятия о свете солнца, как глухой, который не слышит священных гимнов, воспеваемых во славу твоя. О ты, через которого все приняло существование, через которого природа покрывается цветами и моря успокаиваются и вне которого все лишь печаль и горе, о Брама, повелевающий ангелами!

О ты, кого никто не может понять, кто недоступен разуму, кто не поддается чувствам, ты, жизнь которого есть вечное созидание, вечное круговорщение, подобное вращению колеса, непрерывно бросающего все зародыши в бесконечные пространства!

Ты, который создал человека через соединение твоей мысли с твою волею, сделав это соединение путем верховного напряжения твоей воли!

Ты, которому поклоняются во всех проявлениях Существа, о Брама, отец, мать и сын, из самого себя нисшедший божественный зародыш, поконившийся в золотом яйце!

Ты, который существовал в хаосе тогда, когда еще ничто не существовало, и который послал свое дыхание на поверхность вод для того, чтобы породить на них первый производящий зародыш!

О, Брама, чистая сущность, тонкий дух, душа всех творений, удостой выслушать прекрасные песни, которые я обращаю к добродетели, исполни меня вдохновения, о ты, вечный образ истины и правосудия». Далее следует возвзвание к небу и воде.

«Мир сохраняется водою, которая падает на землю, жизнь всего, что существует, зиждется на воде, и без нее погибли бы и вселенная, и человек.

О дождь, с твою помощью произрастают зерна, корни, травы и плоды, которыми питаются все твари, и сам ты разве не божественный напиток, который очищает нашу кровь? Ты орошаешь наше тело подобно тому, как орошаешь землю.

В тот день, когда вода исчезла бы из этого мира, по всей земле распространилось бы отчаяние, голод и смерть, и вместе со всеми существами, которые живут на земле, погибло бы и плодородие жизни.

Когда солнце сжигает почву, земледелец перестает погонять своих могучих волов, он возносит к тебе мольбы, ибо твое отсутствие приводит его в отчаяние.

Тогда, услышав его мольбу, Брама открывает небесные водовместилища, и ты своим появлением тотчас утешаешь тех, кого твое отсутствие приводило в отчаяние.

Если бы обширные моря иссякли, если бы солнце перестало тянуть к себе пары, если бы на небесах перестали накопляться тучи — на земле не нашлось бы ни одного пучка зеленой травы, и животные, обитающие в воде, как и обитающие на земле, и птицы, все иссохли бы на пустынных берегах.

Если бы жидккая пелена вся испарилась в небеса, то боги не видали бы более дыма от жертвенныхников, воздымающегося к ним, и не слыхали бы священных гимнов, которые поются в честь их.

Молитва, милостыня и покаяние исчезли бы из этого мира, добродетель и добрые дела, дающие радость богам, не имели бы более своих храмов на земле.

О, Брама, в воде, вселенском начале жизни, я узнаю твое могущество. Без нее ничто не было бы возможно здесь, на земле: ни наука, ни суровая жизнь пустынников, ни любовь, связующая все существа

Нет ни одного зародыша, ни растительного, ни животного, который мог бы развиваться без воды, и поэтому я молю тебя, о Брама, сохрани для нас благодетельную влагу без которой ничто не может существовать.

О, святые пустынножители, труды и лишения которых воспели твою прозрачную чистоту, чтобы каждый человек, слушающий их, проникся желанием прийти и упиться от источника долга».

Вслед за возвзванием к небесам и воде идет возвзвание к святым пустынножителям.

«О, святые пустынножители, труды и лишения которых направляют этот тленный мир на путь блага, напрасно пытался бы я воспеть хвалы вам.

Напрасно я пытался бы перечислить все ваши добродетели, более многочисленные, нежели все люди, которые теснились на сей земле с

самого ее создания.

Никакая песнь не в состоянии изобразить те заслуги, которые вы приобретаете созерцанием и строгим соблюдением правил отшельнической жизни.

Все, что только есть великого на земле и на небе, сохраняется лишь при вашей помощи, молитвы пустынножителей радуют небеса и водворяют мир на земле.

Тот, кто подавляет страсти, исходящие от пяти чувств игом, подобным тому, которое налагается на слона, трудится ради бессмертия.

Бог сфер небесных Индра был вынужден склонить голову под проклятием пустынножителя, который высокою заслugoю дел своих достиг сверхъестественного могущества. Люди, которые неспособны повелевать своими чувствами, не способны и к возвышенным делам.

О, святые пустынножители, вы поклоняетесь Браме, предку всех существ, душе вселенной в свете, в бесконечных пространствах, в звуке, в запахе, во всем, что мы можем видеть, слышать и ощущать, во всем, что составляет нисхождение из его божественного могущества.

Людей ценят по их делам, а не по их словам, святые пустынножители ценятся по чистоте их учения, когда оно согласуется с чистотою их жизни.

О, святые пустынножители, достигшие последней ступени совершенства, удостойте вдохновить меня в этих песнопениях, предназначенных чтобы внушить людям знание их долга».

Далее идет краткое наставление к упражнению в добродетели.

«У человека нет богатства, которое можно было бы предпочесть тому, какое он извлекает из добродетели, в нем он получает счастье в этом мире и в будущем.

Если добродетель величайшее из благ, то утрата ее величайшее из бедствий.

Во всех твоих действиях, в какое бы то ни было время и в каком бы то ни было месте, не избирай себе никакого другого правила, кроме добродетели.

Без добродетели все дела становятся как бы пустыми звуками, которые угасают немедленно вслед за тем, как произошли.

Добродетель научает самоотвержению, воздаянию добром за зло, воздержанию, честности, власти над чувствами, правдивости, познанию всемирного духа, и она же научает избегать зависти, похоти, злословия и гнева.

Когда мы умираем, родители, друзья и носильщики сопровождают нас лишь до костра, на котором сжигается наш прах, одни только добрые дела

остаются с нами.

Добродетель — вечная спутница праведного человека.

Добрые дела, которые творят в этом мире, подобны стене, которую строят перед воротами, откуда выступают последовательные переселения души.

Поэтому каждый, кто хочет прервать ход своих переселений и достигнуть небесного жилища, должен творить добродетель, бежать от зла и поступать по правилам долга».

На этом заканчивается вступление в «книгу обязанностей», и дальше идет самый текст книги. Она разделена на три части. Первая трактует об обязанностях главы семьи, вторая — об обязанностях царей, о выборе министров, послов, воинов, и третья — об обязанностях министров, предводителей войска и подданных. Каждая часть разбита на главы, которые в подлиннике называются падья (слово мужского рода), в первой части девятнадцать этих глав, во второй — двадцать три и в третьей — двенадцать. Каждый падья состоит из 7—10 куплетов или стихов. Вообще же книга написана так же, как писалось большинство санскритских книг.

Первый падья первой части начинается очень характерными словами, исчерпывающими, очевидно, основную мысль автора этого труда.

«Все люди, — говорит он, — равны перед оком Брамы, верховный владыка не создавал ни каст, ни париев, и его наставления и повеления обращены ко всем людям без различия».

Далее любопытно в бытовом отношении определение, делаемое автором всего круга обязанностей главы семейства.

«Глава семьи, — говорит он, — естественная опора трех родов людей: брамачари или послушников, давших обет воздержания на все время их учения, браминов, и пустынножителей. Он их снабжает пищею, необходимою одяждою и всем вообще, что им нужно для того, чтобы мирно предаваться их занятиям.

Глава семьи должен также простирать свое попечение на бедных, на странников, на путников. Каждый раз, вкушая пищу, он должен часть ее отделить и поставить ее около своего жилища».

Затем в этой главе совсем даже и не упоминается об обязанностях главы семьи по отношению к своей семье, а только превозносится супружеское согласие и верность.

Второй падья воспевает добродетели жены и матери, в третьем указываются и перечисляются уже обязанности добродетельных детей по отношению к родителям, в четвертой главе — звучные гимны супружеской любви. На этой главе и заканчивается обозрение внутренних отношений в

семействе.

Далее, в главе пятой, излагаются обязанности по отношению к гостю. Видно, что гостеприимство, как чуть ли не у всех древних народов, ставилось у индусов в число первых добродетелей. Автор книги призывает проклятие на голову негостеприимцев и называет «невеждами» тех, кто боится разориться, будучи гостеприимным.

«Подобно тому, как цветок аматлэ вянет в тени, так же увядает счастье того, кто прячется, когда видит вдали на дороге гостя, направляющегося к дому его, усталого и покрытого пылью».

В следующих главах содержатся наставления о личном поведении главы семьи, о преимуществах постоянной приветливости и доброты в обхождении, о воздаянии за оказанные услуги, о добродетельном владении и пользовании имуществом, о власти разума над чувствами, о добрых нравах, об умеренности и воздержании, о прощении обид и т. д.

В первой главе второй книги автор в следующих словах определяет главные обязанности царя.

«Шесть вещей придают царю такое же могущество среди людей, какое лев имеет среди зверей: войско, закаленное в боях, обширные владения, прочные союзы, искусные министры и неприступные крепости». Личных же царских добродетелей автор книги намечает четыре: правосудие, независимость, мужество и твердость в решениях, бдительность и опытность в искусстве управления. Но чтобы хорошо править, царь должен еще владеть знаниями, науками, во главе которых автор ставит чтение, письмо и науку исчисления. Эти знания все равно, что «очи науки, которые освещают ученье и без которых ничего невозможno познать». Очень любопытна та высшая почтительность к учителю, которой требует автор даже от обучающегося принца. «Бесполезно и пытаться приобрести знание тому, кто не держится перед учителем в почтительной позе сына перед отцом, бедняка перед благодетелем. Надменный человек никогда ничему не выучится». Второй, третий и четвертый падьи этой части содержат восхваления науки и мудрости, советы царям: окружать себя мудрыми людьми, удалять от себя знатных и гордых невежд и т. п., пятый трактует о благоразумии царя, которое «защищает его подданных от голода, опустошения и войны». «Лучше отречься от славы, нежели от благоразумия», — основательно философствует автор.

Шестая глава перечисляет те пороки, которые царь особенно должен искоренять в себе: беспорядочное пристрастие к накоплению богатства, гордость, из-за которой человек утрачивает здравые понятия о справедливом и несправедливом, и знакомство с распущенными людьми.

«Неумеренная любовь к золоту, говорит он, — для царя более унизительная страсть, чем для других людей, ибо богатства должны сосредотачиваться в его руках только ради того, чтобы через тысячу каналов изливаться от него, облегчая горе и вознаграждая добродетели».

Седьмая глава касается выбора министров, которые должны быть «людьми мудрости и опытности». «Царь, не умеющий окружить себя преданными и честными друзьями, всегда отличается умением наживать себе врагов».

Восьмая глава осторегает царя от общества придворных льстецов. «Подобно тому, как вода, просачиваясь сквозь землю, напитывается веществами, которые встречает на пути, и человек воспринимает качества и недостатки людей, с которыми водится».

Девятая, десятая и одиннадцатая главы содержат наставления, касающиеся войны, двенадцатая и тринадцатая опять возвращаются к министрам, их выбору и качествам.

Четырнадцатая глава трактует семью царя. «Многочисленные семейства пользуются благословением богов. Царь должен, сколько может, увеличивать свое семейство, ибо этим он обеспечит себе помочь в счастье и великую преданность в несчастье». Пятнадцатая глава посвящена воспитанию сына-наследника.

В шестнадцатой главе речь идет о правосудии царя, которое он должен оказывать «всем своим подданным без различия, не проявляя снисхождения, доходящего до слабости, и строгости, превышающей указания закона».

Семнадцатый падья содержит мысли о налогах, причем автор с резким негодованием обрушивается на излишнее усердие во взимании их. «Что касается царей, применяющих жестокости и пытки, чтобы отнимать добро своих подданных, то они стократ презреннее убийц и в течение тысячи переселений будут возрождаться в образах нечистых животных».

«Милосердие и любовь, — говорит автор, — в начале следующей, восемнадцатой главы, — суть две добродетели, через которые охраняется и процветает вся эта вселенная». Он предписывает царю эти качества. «Он (т. е. царь) должен не озлобляться провинностями своих подданных, ибо тот, кто распространяет вокруг себя ужас жестокостью казней, приготавливает себе презренный конец».

Девятнадцатая глава указывает царю на необходимость обзавестись тайными соглядатаями, «людьми честными и преданными его особе». Через них он должен узнавать обо всех беззакониях, творящихся в его царстве. Эти же соглядатаи стерегут и его внешних врагов.

«Когда царь, — говорится далее, в двадцатой главе, — узнает что-нибудь важное от одного из своих соглядатаев, которого он послал для обозрения области, он должен послать туда другого соглядатая, не говоря ему ничего о том поручении, которое уже выполнено первым соглядатаем. И если донесения обоих посланных совпадут между собою, тогда царь может быть спокоен, что он напал на след истины».

Двадцать первая и двадцать вторая главы возвращаются к личным качествам царя. Первая из них указывает на необходимость закаленного характера у царя, вторая поучает, что «лишь в ожесточенной работе, а не в телесных наслаждениях царь находит средства к разрешению всяких затруднений». И автор ссылается на то, что «все цари, оставившие по себе великую славу мудрости, обязаны ею только непрестанному труду, которому они предавались».

«Когда царь впадает в бедствие, не сделав ничего такого, в чем мог бы себя упрекать, — говорит автор в заключительном падьи этой части, — пусть он его переносит с ясною душою, пусть, послужат раньше примером могущества, он теперь послужит примером в несчастии». И автор заканчивает эту часть словами: «Царю лучше погибнуть на поле браны, нежели сдаться врагу, от крови царей, павших на поле браны, родятся герои».

В третьей части мы знакомимся с воззрениями автора на обязанности министров и другого начальства, а затем и подданных. К министрам он предъявляет высшие требования. «Кто не любит царя, — говорит он, — и не готов посвятить свое имущество, самого себя, свою семью благу государства и славе своего повелителя, тот не должен и принимать на себя сложные обязанности ministra». Точно также отговаривает он от принятия на себя этой должности тех, кто имеет значительный круг бедных родственников, ибо, «кто поручится, что он не злоупотребит своим положением для обогащения родни». Главным добрым качеством хорошего ministра автор считает красноречие, искусственным словом он успевает убедить в благих действиях и разубедить в нехороших.

Очень цветисто и красноречиво изложена пятая глава этой книги:

«Есть нечто, превышающее своим блеском алмаз, своею чистотою золото, и ценностью жемчуг. Нечто реже встречающееся, нежели розовый лотос, прекраснее, чем белая лилия, символ добродетели. Нечто обширнее океана, диковиннее неба, усеянного звездами. Эта вещь — хороший министр. Счастлив тот царь, который найдет себе такого, и ничто не сравнится с его радостью, ибо это служит знамением любви богов».

Приводим целиком заключительную главу книги, в которой автор

делает трогательное лирическое возвзание к своим братьям, париям.

«Таким-то путем, по дружному взаимодействию отцов семейств, царей, министров, послов и воинов в этом мире все преуспевает, все выполняет предназначения богов.

Пробудись, человек джунглей, ты, что спиши века в твоей презренной жизни, для тебя и одним из твоих и написана эта книга обязанностей. Проснись, чтобы завоевать свое место под солнцем и образовать нацию.

Научи своих детей петь эти стихи, где прославляются добродетели, правосудие, мужество, и тогда в их жилах будет течь более благодарная кровь. Проснись, человек джунглей!

Проснись, дай предков сынам твоим, и пусть через тысячу лет и дольше будут прославлять твое мужество и твое освобождение.

Земля велика, каждый человек имеет право попирать ее, обрабатывать, строить на ней города и собирать с нее зерно, чтобы обеспечивать предку спокойную старость. Пробудись, человек джунглей.

Пробудись, и ты будешь тоже обладать и зелеными жатвами и стадами, и на твоих восхищенных глазах свободные молодые люди будут обращаться с радостными словами к стройным молодым девушкам.

Проснись, человек джунглей, проснись, жизнь ждет тебя, прийди и приветствуя ее, как подобает человеку, и когда враги твои увидят тебя восставшим, они отступят в страхе и ужасе, как палач перед жертвой, восставшую с костра, чтоб поразить его. Проснись, человек джунглей!»

Книга Тируваллува представляет для нас весьма серьезный интерес. Кроме ее философского и поэтического значения, которое оценивают все знатоки и любители восточной литературы, она ценна как единственная известная нам попытка пробудить париев и способствовать их освобождению.

Но Тируваллува не стал, подобно Моисею или Спартаку, проповедовать вооруженное восстание, он, подобно мирному миссионеру, пошел в глубь джунглей с книгою в руках и стал там петь песни в честь добродетели, мужества, целомудрия, самоотверженности. Он верил в мощь добра, и его сородичи с вниманием и любопытством слушали его и пели вместе с ним, но, увы, продолжали вести ту же скотскую жизнь их предков.

— Где же нам собираться в поселки? — говорили ему везде и всюду. — Где эти жатвы, которые ты сулишь нам? Покажи нам ту землю, на которой мы можем мирно пасти наш скот, землю, которую мы можем передать в наследство нашим детям? Добротель хороша для того, кто владеет, кто может мирно пользоваться благами мира. А нам, не имеющим права даже рвать траву в джунглях, что останется? Что такая честь, что

такое целомудрие, преданность, воздержание для того, кто не смеет брать воду из реки, не смеет сорвать цветка в лесу, плода с дерева без того, чтобы не стать вором и не понести кары за кражу?.. Разве достаточно только петь вместе с тобою: «Парии тоже люди!» для того, чтобы с нами перестали обращаться, как с дикими зверями, чтобы сняли для нас запрет с земли, воды, риса и огня?

Что мог ответить на это Тируваллува? Это был мечтатель. Прежде, чем сочинять эту свою идеальную конституцию для народа, царей, воинов, он должен был освободить несчастных, для которых ее предназначал.

Если бы обращенные к нему вопросы он отвечал: «Земля, которую вы ищете, у вас перед глазами, пробудитесь с огнем и железом в руках, отомстите тем, кто вас сделал тем, что вы есть, если бы он проповедовал войну, грабеж, разрушение, он увлек бы миллионы людей. А он проповедует мир, и, вот по его же собственным словам он пронесся „как благовонный ветерок, едва сгибающий вершины великого леса, а не промчался, как ураган, который поднимает моря и опустошает города“.

Тируваллува был только голос, а нужна еще рука. Парии хранят память о нем, поют его стихи, и это все, что осталось от него и от его попытки перерождения своих собратий.

Для того, чтобы закончить картину физического и нравственного состояния париев, мы приведем здесь несколько образцов басен, сказок, сатир и фарсов, плодов фантазии их рапсодов. Эти образцы послужат прекрасной характеристикой несчастных отщепенцев, характер которых состоит из смеси легковерия и скептицизма.

Надо только предварительно заметить, что странствующие поэты и комедианты отверженного племени знать не знают никакой узды и решительно ни перед чем не останавливаются. Поэтому приходится делать строгий выбор материала, чтобы удержаться в границах европейского литературного приличия. Нас поражают черты бесцеремонности у многих писателей классического мира Европы. Но в индусской литературе мы то и дело встречаем уже не бесцеремонные, а прямо чудовищные отступления от самых законных требований нравственной опрятности. А между тем именно эти-то пикантные места, по-видимому, особенно нравятся местной публике, которая их слушает и смотрит с шумным восторгом.

Просим только читателя помнить, что мы с ним на востоке, что мы изучаем очень дряхлую цивилизацию, и поэтому некоторые отступления от наших обычных литературных форм и норм никого не должны смущать. Замечательно еще то обстоятельство, что в баснях париев, где действующими лицами по большей части являются животные, никогда не

встречаются нецензурные места. Мы собрали до полусотни этих басен, и ни в одной из них не было ровно ничего даже сомнительного. Только общий их нравственный характер небезупречен, потому что обычная мораль басни клонится к тому, чтобы осмеять лучшие свойства человеческого духа, — самоотвержение, воздержание, мужество и т. д. Нам даже думается, что басни париев сочинены не ими самими, а еще в незапамятные времена заимствованы из каких-нибудь браминских сборников.

IX. Басни париев, собранные в Травенкове, Малайялуме и на острове Цейлоне

I. Ворон и мангуста

Один курубару поставил сети в джунглях в расчете поймать какую-нибудь птицу себе в пищу.

Ворон, который парил в воздухе, высматривая змей и крыс, за которыми охотился с такой же целью, увидел в траве половину кокосового ореха.

— А, — сказал он, — вот лакомый плод, который нарочно упал туда для меня.

Он ускорил полет и ринулся на добычу, чтобы схватить ее, но едва он прикоснулся к траве, как его лапа запуталась в ловушке курубару.

Напрасно делал он бесполезные усилия, чтобы освободиться, ловушка крепко держала его, и черный приятель должен был признаться, что он попал в плен.

Тогда он начал изо всех сил кричать и созывать к себе на помощь других воронов, чтобы они его выручили.

Но они, летая вокруг него, отвечали ему: мы ждем, когда ты умрешь от истощения, ибо только тогда ты будешь на что-нибудь пригоден, и мы тебя съедим.

Толпа крыс, привлеченная криками, подбежала к ловушке и с радостью наблюдала за врагом, которому грозила неминуемая гибель.

— Выручите меня, — сказал им ворон, — и я заключу с вами навеки дружественный союз.

— Ну, нет, — отвечала ему старая крыса, — уж этого то мы ни за что не сделаем. А вот скоро придет курубару, убьет тебя палкой, и будет у нас одним врагом меньше.

И с этими словами крысы убежали в свои норы.

— Увы, увы! — вскричал ворон, — никто не придет мне на помощь.

— Да ты сломай себе лапу клювом, — посоветовала ему ящерица. — Я сама вовсе не желаю тебе помогать, потому что ты не дальше как вчера

съел одну из наших.

Проходившая мимо мангуста сказала ему:

— Зачем ты все обращаешься к таким животным, которых ты истребляешь? Разве не дурак был бы тот из них, который освободил бы тебя?

— Помоги мне выпутаться отсюда, — сказала ей птица жалобным голосом. — Ведь мы с тобою оба истребляем змей и крыс. Разве у нас не одни и те же враги?

— Ладно, — отвечала мангуста, — но с одним условием. Я давно уже собиралась сходить на богомолье к берегам Ганга. Ты должен меня туда доставить на своих крыльях.

Обрадованный ворон охотно согласился на эти условия, и мангуста принялась грызть сеть, которая его опутала. Как только птица освободилась, она приняла своего спутника к себе на спину и, громко каркая, поднялась на воздух.

Взлетев высоко вверх, ворон встряхнулся, сбросил с себя мангусту, и она полетела вниз. Упав на землю, несчастное животное все расшиблось.

Тогда ворон бросился на нее и принялся рвать ее на части своим клювом.

— Это ли ты обещал мне? — сказала ему бедная жертва, готовясь испустить дух.

— Да на что ты жалуешься? — отвечала птица. — Не сама ли ты называла дураком того, кто вздумал бы меня освобождать.

Никогда не рассчитывай на признательность голодного брюха.

Если ты услышишь голос человека, призывающего тебя на помощь со дна колодца, в который он свалился, брось ему камень на голову, потому, что если ты поможешь ему выбраться, тогда он тебя убьет.

II. Шакал и коза купца

Однажды шакал встретился со стадом коз, которые паслись на скате горы.

Пресыщенный своею обычною пищей, вонючими трупами, и жадный до свежего мяса, которое перед ним прыгало по скалам, он принялся соображать, как бы ему разжиться этою пищею.

Напасть на стадо было нелегко, пастух, который его охранял, имел в руках крепкую суковатую палку и заставил бы его дорого поплатиться за свою смелость.

Он знал, что неподалеку от того места была вырыта яма с острыми кольями, сверху прикрыта ветвями и устроенная для ловли тигров.

Он спрятался в кустарнике в таком месте, откуда его не мог видеть пастух, и когда одна из коз близко подошла к нему, он сказал ей:

— Зачем ты тут ходишь и ешь сухую нехорошую на вкус траву, когда по другую сторону горы растет хорошая сочная трава?

— Я хожу там, куда меня приводит пастух, — отвечало доверчивое животное, — а тех мест, про которые ты говоришь, — я не знаю.

— Я много странствовал, — сказал шакал, — и если хочешь, я направлю тебя на прекрасные пастбища.

Коза доверчиво пошла за ним, и спутник мертвцевов привел ее прямо к яме и заставил ее идти вперед, она упала прямо на колья, которые пронзили ей тело.

Шакал осторожно спустился в яму, сожрал козу и таким образом был вознагражден за свою хитрость.

Чем не можешь овладеть силой, тем овладевай хитростью.

Если будешь пользоваться трудом других и изготовленными ими ловушками, то никогда не будешь нуждаться в пище.

III. Два путника и пария

Два путника, странствовавшие вместе, начали ссориться на перекрестке дорог.

— Я уже давно бы прибыл на священные берега Ганга, — говорил один из них, — ежели бы не навязал себе такого попутчика, как ты!

— Вот это забавно! — отвечал другой. — Разве ты не знаешь, что я очень долгое время служил скороходом у Майсурского раджи?

— Пожалуй, когда-нибудь, может быть, и служил, да только теперь из оленя сделался черепахой. Твои ноги стали не те, что были прежде.

Тут они решили устроить состязание в беге и избрали в посредники парию, который собирал траву в соседнем лесу.

Они решили бежать до тамаринового дерева, находившегося от них на расстоянии пятисот шагов. Свои дорожные мешки с изобильными запасами провизии всякого рода они сложили на землю и пустились бежать наперегонки изо всех сил.

Видя это, пария схватил их драгоценную ношу и убежал всамую глубь леса.

Всегда следует пользоваться ссорою между людьми для того, чтобы

извлечь из нее для себя какую-нибудь пользу.

Стараясь всегда идти следом за богомольцами, странниками, воинами, редко случается, чтобы, идя за ними, ты чем-нибудь не поживился.

IV. Ворон и очковая змея

Один ворон напал на очковую змею и уже готов был раздробить ей голову, чтобы потом пожрать ее.

— Что ты хочешь делать? — сказала ему змея. — Ты посмотри, какая я тонкая, ведь тебе моего тела хватит только один раз поесть. Не лучше ли нам войти с тобой в дружеский союз? Я ползаю, а ты летаешь. Соединить наши силы — и мы ни в чем не будем нуждаться.

— Хорошо, я согласен, — отвечал ворон, — но только помни, что если ты меня обманешь, так ты от меня не уйдешь, и тогда уж не рассчитывай на пощаду.

Вернув свою свободу, очковая змея повела своего союзника к роще, которая находилась неподалеку от храма, посвященного Вишну, где многочисленные странники каждый день приносили жертвы.

— Теперь я спрячусь в кустарнике, — сказала змея своему спутнику, — а ты тем временем сядь на дерево, и если какой-нибудь путник зайдет в рощу отдохнуть, ты каркни и дай мне знать.

К вечеру один богомолец, помолившись перед алтарем божества, прилег отдохнуть под тенью смоковницы.

Ворон сейчас же подал сигнал, змея выползла из засады, подползла к страннику, укусила его в ногу и убила своим ядом.

Ворон тотчас созвал всех своих друзей, все они набросились на труп и начали его пожирать.

А тем временем змея услаждала себя молоком из сосуда, который богомолец поставил на алтарь Вишну.

Вступай в союз только с теми, кто может быть тебе полезен.

Устраивай свое жилище около перекрестков, где стоят храмы, и по ночам выкрадывай жертвы, принесенные богам.

V. Овод и пчелы

Однажды овод, побуждаемый голодом, заблудился в джунглях. Он увидел рой пчел, который устроил свое гнездо в старом дереве.

Он подлетел к ним и попросил себе немножко меда, чтобы подкрепить свои силы и быть в состоянии возвратиться в то место, где он жил.

— Ты насмехаешься над нами? — сказали ему пчелы. — Не воображаешь ли ты, что мы несем такие труды ради тебе подобных?

Претерпев тысячи мучений, овод кое-как добрался до своих, собрал их в большом числе и **повелих** войною на негостеприимный улей.

Произошло великое сражение, и так как оводы были во сто раз многочисленнее, чем пчелы, то эти последние и были все перебиты.

Тогда оводы овладели ульем и долгое время жили в изобилии.

Рой пчел — это деревни судров, а оводы — это обитатели джунглей.

О парии, научитесь действовать, как ваши братья оводы.

VI. Домбару и крокодил

Один домбару (так называются парии жонглеры и бродячие комедианты) переплыval реку и увидел крокодила, который попался в ловушку, он метался среди волн с железным крюком, который зацепился внутри его пасти.

— А что ты мне дашь, — сказал домбару на мольбы животного, которое взывало к нему о помощи, — если я тебя освобожу от этой штуки, которая тебе грозит гибелью?

— Я вознагражжу тебя, — отвечал ему царь рек, — так, что тебе не останется ничего желать больше до конца дней своих.

Домбару, прельщенный этим обещанием, принялся за дело, и после долгих усилий ему удалось освободить зверя.

Но в ту минуту, как он стал просить обещанную награду, крокодил схватил его зубами за ногу и изо всех сил поволок вглубь.

— Ах, мошенник, ах, злодей, разве ты это обещал мне? — вопил несчастный.

— На что ты жалуешься? — сказал ему крокодил. — Разве не правда, что когда я тебя съем, ты больше уже никогда ни в чем не будешь испытывать нужды? Ты лучше-ка скажи мне спасибо за то, что я тебя избавляю от бедствий и печалей твоей нищенской жизни. Разве ты не помнишь, что сказал мудрец: — «Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, и лучше умереть, чем лежать».

— О вероломный, так вот что ожидало меня за то, что я спасу тебя? Оставь при себе свою премудрость и не отнимай у меня моей нищенской жизни.

— Откуда ты взялся такой чудак, — продолжал зверь, — что не знаешь общего правила, царствующего на земле, — воздавать злом за добро? Ну, хорошо. Коли ты сам этого не знаешь, я обожду. Спросим кого хочешь о нашем деле, пусть нас другие рассудят. Если найдется хоть один, который скажет, что ты прав, я тебя пощажу.

Домбару принял предложение и обратился к кокосовой пальме, которая склоняла над рекою свою возвышенную главу, он спросил у дерева, позволено ли воздавать добром за зло.

— Как можешь ты меня об этом спрашивать? — ответила пальма. — Разве ты не знаешь, что такого именно поведение твоих собратьев в отношении меня? Я кормлю их моими плодами, я пою им своим соком, мои листья служат кровлею для их жилищ. А чем они меня вознаграждают за услуги, которые я им оказываю? Как только старость истощит мои соки, и я перестаю производить плоды, они рубят меня, отнимают у меня жизнь, чтобы на мое место посадить молодое дерево. Я всегда только и вижу, что люди воздают злом тем, кто их питает, это вошло у них в обыкновение.

Тогда домбару обратился к старой корове, которая паслась на тощей траве, росшей по берегу, и предложил ей тот же самый вопрос.

— Напрасно ты меня об этом спрашиваешь, — отвечало бедное животное. — Я пахала для людей землю, я их кормила своим молоком, я отдавала им своих детей, чтобы и они также служили им. А вот теперь, как стала я ни к чему не пригодна, хозяин выгнал меня, чтобы не кормить даром, и я брошу по пустынным местам, пока не стану добычею хищных зверей.

Тот же вопрос был в третий раз обращен к собаке, которая проходила мимо, и она ответила:

— Я ласкаюсь к своему хозяину, я его охраняю, я караулю воров, которые намереваются проникнуть в его дом, и за это получаю только побои.

— Ну, довольно с тебя и этого, — сказал крокодил. — Теперь тебе нечего жаловаться, если я обойдусь с тобою так же, как твои собратья обходятся со всеми другими существами. — И не слушая больше воплей домбара, он уволок его под воду.

Никогда никому не оказывай никакой услуги, если не хочешь собственной гибели.

Помни, что благодетель — это бремя более тяжелое, нежели та башня, которую ставят на спину боевого слона.

VII. Вор и раджа

Один вор, прославившийся сотнею ловких проделок, кончил тем, что попался и был осужден на смерть.

Раджа Травенкорский, к которому его привели, сказал ему. «Я дарую тебе жизнь, если ты укажешь мне вора искуснее тебя».

— Если так, то прикажи освободить меня немедленно, — отвечал ему ловкий пройдоха, — потому что я укажу тебе не одного вора, а десять, сто, тысячу, и притом сейчас же, не сходя с места.

— Хорошо, только сначала ты укажи, — отвечал ему раджа, — а там уж видно будет, заслуживаешь ты помилования или нет.

Тогда вор назвал ему поименно всех министров, всех областных начальников и всех сельских сборщиков податей.

— Он прав, — тотчас же согласился раджа. — Развяжите и отпустите этого человека. Все люди, которых он назвал, в самом деле искуснее его, потому что он попался, а они не попались.

Знай, что добродетель служит для людей только покровом, под которым они прячут свои пороки, и что самый добродетельный — это самый ловкий.

VIII. Кабан, олень и охотник

Кабан бежал, а за ним гнались охотники. Он уже совсем истомился, охотники наседали на него, и он с минуты на минуту ожидал, что его пронижают стрелами.

В это время он встретил оленя, который горько печалился о своей заблудившейся лани.

— Не встретил ли ты ее где-нибудь случайно? — спросил он у кабана.

— Да, — отвечал тот. — Поспеши спуститься с этого холма, и ты найдешь ее внизу, в трясине, откуда ей не выбраться без твоей помощи.

Обрадованный олень со всех ног помчался в указанном ему направлении и как раз набежал на охотников, которые, видя перед собою более благородную добычу, погнались за нею, оставив в покое кабана.

Всегда следует уметь пользоваться всякими обстоятельствами. Изворотливый человек никогда не попадает впросак.

IX. Две лисицы

Каратака и Даманака, две лисицы, прославившиеся своею хитростью, порешили вступить в союз для того, чтобы уладить свою жизнь и доставить себе кое-какой лишний досуг и отдых.

Они условились, что в то время, как одна будет сидеть дома и охранять жилище, другая будет уходить на охоту и добывать продовольствие.

В первый же день они кинули жребий, кому оставаться, кому уходить. Каратака пал жребий оставаться дома, а Даманака ушла на охоту.

Охотница прежде всего захватила горлицу в гнезде и сожрала ее самое и ее яйца. Прежде всего насытимся сами, — рассудила она, — а затем уже поохотимся и ради кумы.

И вот в течение целого дня она неизменно придерживалась этого рассуждения, вечером же, когда она готовилась вернуться домой, держа в зубах тощего ибиса, пойманного около ручья, она рассудила так: «Не стоит иносить домой такой тощий кусок, а то Каратака, пожалуй, скажет, что я все хорошие куски съела сама, а ей принесла какую-то дрянь». — И успокоив себя этим рассуждением, она тут же съела ибиса.

Придав себе самый печальный и изнуренный вид и притворившись хромающей, она вернулась к товарке и сказала ей: «Я все время подкарауливала чудесного аппетитного козленка, но его матка увидела меня, бросилась на меня, и вот сама видишь, как она меня обработала. Теперь твоя очередь иди на охоту. Ступай, может быть, тебе больше посчастливится, чем мне».

Каратака искренно пожалела подругу.

— Не хочешь ли, — сказала она ей, — я приложу тебе к ноге особый пластырь? Я знаю, как его надо готовить Мой отец когда-то занимался врачеванием и научил меня разным секретам.

— Нет, — отвечала Даманака, — ты иди лучше и постарайся достать какой-нибудь еды, потому что если ты не накормишь меня, так я умру с голода.

Каратака в свою очередь пошла на охоту. Когда настал вечер, Даманака увидела, как она возвращалась к их логовищу, хромая еще сильнее, чем сама Даманака накануне.

— Ты что же, ничего не нашла, ничего мне не принесла? — спросила она ее. — Найми-то, нашла, — отвечала Каратака, — да только удар палкою, который меня и привел вот в такое состояние, как сама видишь. Я как раз встретила того самого козленка, которого тебе вчера не удалось взять. Матки около него не было, и я уж совсем схватила его, а пастух увидел...

— Ладно, ладно, будет, — перебила ее Даманака, заливаясь

хочотом. — Знаешь, что я тебе скажу? Нам лучше будет прикончить наш союз. Без него мы ели каждый день, а теперь, как вступили в союз, нам придется есть только через день.

Две лисицы, две обезьяны, два жреца, два доктора не могут жить под одною кровлею.

X. Брамин и святая вода

— Кому надо священной воды из Ганга для омовений и для очищений? Кому надо святой воды Ганга?.. — Так кричал изо всех сил один брамин, стоя по утрам у дверей своей пагоды.

Толпа людей собиралась вокруг него и за высокую плату приобретала несколько капель драгоценной жидкости.

В прежнее время этот брамин был нищ, как пария. Но он совершил странствование к берегам священной реки, и вода из нее, которую он с собою принес, привлекла в его дом изобилие.

— Как же нам теперь быть? — сказала ему однажды его жена, увидавшая, что запас священной воды подходит к концу. — Легко ли нам будет после такого благодеяния снова впасть в нищету?

— Не беспокойся, — отвечал ей брамин. — Ведь теперь уже все привыкли к тому, что у нас есть священная вода Ганга, так мы и будем ее продавать до тех пор, пока не опустеет наш колодец.

Дураки всегда попадаются на внешнюю видимость. Старайся овладеть их доверием и уметь им пользоваться.

XI. Шакал и судра

Шакал забрался ночью в курятник одного судры и, передушив всех кур, принял их пожирать, а что осталось, переносить к себе в логовище. Когда он пришел за последней курицей, то обуреваемый радостью по случаю такого успеха, порешил воздать благодарность богам за ниспосланную ими милость.

Произнося благодарственную молитву, он так возвысил голос, что жена судры, которая не спала, разбудила своего мужа и сказала ему.

— Ты слышишь, ведь это голос шакала, который забрался в наш курятник. — Судра встал с ложа и, вооружившись дубиною, тихонько подкрался к шакалу в ту самую минуту, когда он в своей радости давал

обеты совершать богомолье к берегам Ганга.

Судра одним ловко направленным ударом сокрушил ребра благочестивому богомольцу, которому пришлось заканчивать свою молитву в стране усопших.

Не доверяйся богам, ибо усерднейшее воззвание к ним никогда еще не отражало доброго удара дубиною.

XII. Покойник и его старший сын

Одного покойника из касты вайсиев несли хоронить к костру, и все родственники сопровождали его. Во главе похоронного шествия стоял старший сын, который должен был совершать все похоронные обряды. Он терзал себе грудь и сотрясал воздух своими жалобными воплями.

Вдруг на носильщиков напал взбесившийся бык. Те пришли в ужас, бросили покойника и разбежались.

Тот, кого считали уже отправившимся в страну мертвых, от сильного сотрясения очнулся и довольный и радостный вернулся в свой дом.

Но спустя несколько времени после того посланник Ямы (бог подземного мира, индусский Плутон) вновь постучался в дверь этого человека, на этот раз уж с серьезными намерениями.

И вот вайсия снова лежит на смертном одре.

И снова, провожая его на костер, старший сын разражается горестными стонами и воплями, прилагая к изъявлениям своей горести еще больше усердия, чем в первый раз.

Но вдруг, заметив в стороне стадо коров, которые мирно паслись на лугу, он мгновенно прекратил свои рыдания и крикнул носильщикам: «Берегитесь быка».

Есть нечто гораздо фальшивее и лукавее, нежели молитвы браминов, милосердие царей, справедливость денежных людей и верность жен, — это слезы тех, кому досталось после покойника наследство.

Когда труп парии бросают среди джунглей, то его сын не плачет, он знает, что ему ничего не оставили в уплату за его слезы.

X. Сказки и повести париев

Мы уже заметили выше, что насколько басни париев безупречны нравственно, настолько же невозможны в этом отношении их повести, рассказы, сказки и т. п. Поэтому мы из длинного ряда этих произведений приведем здесь только одно, предметом которого служит не обычное описание каких-нибудь безобразий и мерзостей, а ряд комических приключений четырех глупых браминов. Этот рассказ является едкою сатирою на ненавистных угнетателей париев.

Наш знаменитый соотечественник Дюплэ, задавшийся высокогуманной, но почти несбыточной целью уничтожить вековой предрассудок, выкинувшиий парио из среды прочего населения Индии, основал с этой целью особые смешанные школы, в которые принимались дети туземного населения без различия каст. Для этих-то школ Дюплэ и составил сборник народных рассказов, из которого мы и заимствуем приводимый ниже образец. В подлиннике этот рассказ так и называется:

История четырех глупых браминов

В одной области была объявлена смарадана (так называются ежемесячные праздники, устраиваемые по деревням в пользу браминов). И вот четверо представителей этой касты из разных деревень отправились на праздник, встретились по дороге и пошли вместе.

Идя путем-дорогою, они повстречали воина, который шел в противоположном направлении. При встрече с браминами воин, как водится, приветствовал их как предписывает обычай: «Саравои, аяя!» (Почтительный привет, о господин).

Жрецы отвечали ему тоже обычным словом благословения: «Ассирвахдам».

Спустя некоторое время наши четыре спутника подошли к колодцу, достали воды, утолили жажду и присели отдохнуть в тени дерева.

Так как у них долго не находилось подходящего предмета для беседы, то один из них, желая завязать разговор, вспомнил о воине, который им встретился.

— А ведь надо признать, — сказал он, — что тот воин, которого мы сейчас встретили, человек очень вежливый и обходительный. Заметили вы,

как он сразу обратил на меня внимание, отличил меня от других и вежливо приветствовал?

— Да он вовсе не тебя приветствовал, — возразил брамин, сидевший рядом с ним. — Его привет относился ко мне одному, ни к кому другому.

— Ошибаетесь вы оба, — перебил их третий. — Могу вас уверить, что привет воина относился ни к кому иному, как ко мне. И вот вам доказательство: когда он проговорил приветствие, то посмотрел прямо на меня.

— Совсем нет, и все это вздор! — опровергнул четвертый. — Вовсе он не вас, а меня приветствовал, потому что иначе с какой стати я отвечал бы ему: «Ассирвахдам».

И между ними начала разгораться ссора, которая было уже дошла до рукопашной. Но тут один из них, который был посложнее и порассудительнее других, начал их урезонивать.

— Зачем же мы будем без всякого толка давать волю своему гневу? Положим мы обзовем друг друга всяческими словами, а потом подеремся, как какая-нибудь сволочь судра, разве от этого предмет нашего спора станет яснее? Кто другой может рассеять наши сомнения, как не тот, из-за которого они возникли? Ведь воин, которого мы встретили, еще не далеко ушел. По-моему, нам надо сейчас же догнать его и спросить, и пусть он сам скажет, кого из нас он хотел почтить своим приветом.

Этот совет был найден бесспорно мудрым и его немедленно приняли к исполнению. Все четверо со всех ног кинулись догонять воина. Едва переводя дух настигли они его версты за четыре от того места, где встретились с ним.

Еще издали завида его, они во все горло закричали ему, чтобы он остановился. А подбежав, рассказали о своей распре из-за его привета и упрашивали его сказать, кого именно из них он почтил.

Распознав по их наивной просьбе, с какими убогими головами он имеет дело, воин вздумал позабавиться над ними, и, состроив самую серьезную мину, отвечал:

— Я приветствовал самого глупого из всех вас. Сказав это, он поспешил повернуться и быстро зашагал вперед своим путем.

Брамины, ошеломленные этим ответом, в свою очередь повернули обратно и некоторое время шли молча. Но скоро спор между ними возобновился и разгорелся с еще большей силой, потому что они никак не хотели уступить друг другу этого приветствия. На этот раз им приходилось доказывать друг другу преимущества своей глупости над глупостью остальных. Во время этих пререканий, ими опять овладел такой жар и пыл,

что новая драка между ними начала казаться неизбежной.

Тогда брамин-примиритель, выступивший с первым предложением, выступил с новым. Угомонив кое-как своих компаньонов, он сказал им:

— Я считаю себя глупее каждого из вас, а каждый из вас считает себя глупее меня. Но я спрашиваю вас, неужели мы, наслаждаясь в криках до потери голоса и награждая друг друга колотушками, приедем к разрешению вопроса о том, кто из нас обладает самой совершенной глупостью? Вот, взгляните, впереди городок Дармапур. Бросим наши споры, пойдем туда и попросим судей разобрать наше дело.

И опять, как в первый раз, совет показался вполне благоразумным трем компаньонам и был ими единодушно принят.

Они предстали перед судьями в самый благоприятный момент. Все Дармапурские власти как раз в это время сошлись в судилище, а дел никаких не случилось, так что когда четыре брамина заявились со своей просьбой, их дело сейчас же было назначено к слушанию.

Один из четырех браминов, выйдя вперед, рассказал, не опуская ни малейшей подробности, обо всем, что между ними произошло из-за приветствия воина и из-за его неопределенного ответа.

Рассказ этот не один раз прерывался громкими взрывами хохота всех присутствовавших. Председатель судилища, человек очень веселого нрава, был рад подвернувшемуся случаю устроить для себя и для других судей даровое развлечение. Он напустил на себя самую торжественную серьезность, велел всем молчать и обратился к тяжущимся со следующими словами:

— Вы в этом городе чужие, и потому нельзя решить ваше дело по показаниям свидетелей, знающих вас. А потому есть только одно средство просветить ваших судей. Пусть каждый из вас расскажет случай из своей жизни, который наилучшим образом выкажет его глупость. Выслушав ваши рассказы, мы уже и будем в состоянии рассудить, кому принадлежит первенство, и кто из вас имеет право приписать привет солдата исключительно себе.

Все тяжущиеся согласились на это предложение, и один из них начал рассказывать.

— Вы видите, я одет не очень роскошно, и это не сегодня только, а давно уже так. А отчего мой костюм пришел в такое расстройство, об этом я вам сейчас и расскажу.

Несколько лет тому назад наш сосед, купец, человек очень жалостливый до браминов, подарил мне на одежду два куска полотна, самого тонкого, какой только видывали люди в нашем селении. Я их

показывал всем своим знакомым, и все они диву давались, глядя на него. «Такой роскошный дар, — говорили все, — доказывает только, что ты творил много добрых дел при прежних твоих переселениях^{[note 2](#)}, и это тебе воздаяние за те дела, в теперешней жизни тебе не за что бы и дарить, потому что ты слишком глуп».

Я, конечно, благодарил приятелей за их доброе мнение. Потом я вынул полотно, чтобы очистить его от прикосновений ткача и купца, людей низшей касты.

Для просушки я его повесил на дерево. И вот случилось, что под полотном, пока оно висело и сохло, прошла собака, я не знал, коснулась она его или нет. Я спросил у своих детей, не видали ли они, как прошла собака? Они сказали, что не заметили. Как тут быть? Я стал на четвереньки и держась так, чтобы быть ростом с собаку, прошел так под полотном, а сам и спрашиваю у детей: «Задел я за полотно или нет?» Они отвечают: «Нет!»

Я так обрадовался, что даже подпрыгнул от радости. Но тут мне вдруг вспомнилось, что собака хвост держала торчком и могла им задеть за полотно. Надо было снова сделать испытание. Вот я прицепил себе на спину серп, а сам велел детям внимательно смотреть, как я буду проходить под полотном, задену его серпом или не задену. Дети и говорят, что на этот раз полотно было слегка задето.

Такая меня взяла досада, что схватил полотно и разодрал его на тысячу клочков.

Скоро молва об этом разошлась среди соседей, и все начали меня стыдить и обзывать дураком. «Если бы даже полотно и было осквернено таким легким прикосновением, разве не мог ты прочитать над ним очистительные молитвы? — говорили мне. — Наконец, если уж ты считаешь его окончательно оскверненным, зачем же ты его рвал, отчего не отдал какому-нибудь бедняку судре? Кто же после такой дурацкой выходки будет тебе дарить ткань на одежду?» Увы, так оно и вышло. С тех пор, у кого ни попрошу полотна, мне в ответ только хохочут, да спрашивают: «Зачем тебе полотно? Чтобы изодрать его в клочья?»

Когда он закончил рассказ, один из присутствовавших сказал ему:

— Ты, должно быть, мастер бегать на четвереньках?

— О, да, — отвечал брамин, — и сейчас же продемонстрировал это.

— Ну, довольно, — сказал председатель. — То, что слышали от тебя, а потом и видели, конечно, говорит в твою пользу. Но все же мы не можем решить, пока не выслушаем других. Рассказывай теперь ты, — обратился он к другому брамину.

— Для того, чтобы предстать в приличном виде на смарадану, куда мы идем, — начал второй брамин, — я позвал цирюльника и велел ему обрить мою голову и подбородок.

Когда он окончил свое дело, я сказал жене, чтоб она дала ему кашу [note 3](#), но она, по рассеянности выдала ему две каши. Я стал требовать, чтобы он отдал одну кашу назад, он ни за что не хотел отдать. Спорили, спорили мы, разозлились оба, начали уже переругиваться, но тут цирюльник вдруг смягчился и сказал мне:

— Мы можем поладить миром. За лишнюю кашу, коли хочешь, я обрею голову твоей жене.

— Ты прав, — сказал я, поразмыслив. — Это разрешит наш спор, так что ни тому, ни другому не будет обидно.

Жена моя, слыша наш разговор и предчувствуя, что может произойти [note 4](#), хотела было бежать, но я ее поймал, посадил на пол, придержал, а цирюльник обрил ее наголо.

Жена тем временем кричала во весь голос и разражалась страшными проклятьями, но я дал ей волю браниться, сколько душе угодно, предпочитая видеть ее бритою, нежели уступить мошеннику цирюльнику ни за что ни про что лишнюю кашу.

Жена, лишившаяся своих чудных волос, от стыда спряталась и не хотела показываться. Цирюльник ушел и, встретив на улице мою мать, первым долгом поспешил рассказать ей всю эту историю. Она немедленно прибежала к нам. Увидав свою невестку бритою, она была так поражена, что некоторое время не могла вымолвить ни слова, а потом осыпала меня градом упреков и брани, на которые я не отвечал ни слова. Я уже начинал понимать, что вполне этого заслужил. А плут цирюльник тем временем всюду разболтал о происшествии, так что в скором времени я сделался предметом всеобщих насмешек. Злые языки стали даже намекать, что коли я так поступил со своею женою, так уж значит не даром, что я уличил ее в неверности. У моего дома собралась толпа, привели осла, чтобы на нем возить по деревне мою жену, как принято делать с женщинами, преступившими супружескую верность. Потом молва обо всем этом дошла и до родителей жены. Они нагрянули к нам, и можете сами судить какой шум и гам они подняли, когда увидали свою дочь бритою. Они увезли ее к себе, конечно, ночью, чтобы избавить ее от позора. Четыре года мне пришлось молить их, пока они согласились отдать мне ее обратно.

Надеюсь, что такая глупость покажется вам гораздо значительнее, чем та, о которой вам рассказал мой спутник Собрание согласилось, что трудно

придумать более солидную глупость, но все же решило выслушать остальных двух соискателей. Настала очередь третьего брамина, и он начал свой рассказ так:

— Мое имя — Анантайя, но меня зовут Бетель-Анантайя, и вот по какому именно слушаю.

Моя жена по причине малолетства долго жила в доме своих родителей, пока была отдана ко мне в дом. Спустя месяц после ее переезда ко мне как-то вечером, перед сном, не помню уж по какому слушаю, сказал, что все женщины болтуньи.

Она мне на это возразила, что знает мужчин, которые в этом не уступят никакой бабе. Это она на меня намекала. Я был задет за живое и сказал ей:

— А вот посмотрим, кто заговорит первый.

— Отлично, — ответила она. — И кто заговорит первый должен дать другому лист бетеля [note 5](#). Пари было принято, и мы заснули. Мы решили не вставать с ложа, пока наш спор не будет решен, т. е. пока кто-нибудь из нас не заговорит первый. И вот настал день, взошло солнце, а мы все не показываемся из дома. Соседи заметили это, стали звать нас, а мы, конечно, молчим. Сбегали к нашим родственникам, известили их об этом. Те, перепуганные, прибежали к нам, послали за плотниками, чтобы разломать двери. Когда же наконец все вломились к нам, то были нескованно изумлены, видя нас проснувшимися, на вид живыми и здоровыми, но совершенно лишившимися языка..

Дом наш был битком набит людьми, и так как все были убеждены, что мы околдованы, то сейчас же сбегали за колдуном, чтобы снять с нас чары.

Колдун прежде всего заломил страшную цену за свою работу. Он было собрался начать заклинания, но в это время один наш знакомый брамин начал всех убеждать, что мы вовсе не заколдованы, а больны, от этого онемели, и что он знает верное средство, как нам помочь, и сделает это без всякой платы.

Он раскалил добела золотой слиток, схватил его щипцами и приложил его сначала снизу к моим ступням, потом к локтям, потом ко лбу. Я вытерпел эту ужасную пытку, не издав ни единого звука.

— Ну, теперь попытаем это на жене, — сказал дошлый лекарь. Но едва коснулся он ее ноги каленым золотом, как она не вытерпела и вскричала: — «Аппа, аппа!».

И вслед за тем, повернувшись ко мне, она сказала:

— Я проиграла, вот тебе лист бетеля! Разумеется, все были изумлены, а я тотчас же сказал ей:

— Я так и знал, что ты заговоришь первая! Ты видишь теперь, я был прав, когда сказал тебе вчера вечером перед сном, что все бабы — болтуны!

Когда все собравшиеся узнали о нашем пари, они в один голос вскричали: «Вот глупость-то! Поднять на ноги всех соседей, вытерпеть прижигание каленым золотом из-за листа бетеля! Кажется, весь свет изойди, не найдешь других таких пустых голов».

Вот с тех пор меня и начали звать «Бетель-Анантайя».

Суд единогласно признал и эту глупость не хуже прежних, но предстояло выслушать еще четвертого соискателя. Он начал свою повесть:

— Когда я женился, моя жена была еще совсем молода и продолжала жить в доме отца еще лет шесть или семь. Когда же она достигла брачного возраста, ее родители известили моих, что она отныне может нести свои супружеские обязанности.

Дом моего тестя отстоял от нашего на шесть или семь миль. Моя "мать" в то время хворала и не могла отправиться за мою жену. Поэтому она поручила мне самому съездить за нею, причем все учила меня и наставляла, как себя вести, чтоб не сказать или не сделать чего-нибудь такого, что обнаружило бы мою глупость.

— Ведь я тебя знаю, — говорила она. — Ума у тебя немного, и ты, того и гляди, выкинешь какую-нибудь штуку.

Я обещал ей во всем поступать по ее наставлениям, быть осмотрительным и пустился в дорогу.

В доме тестя меня хорошо приняли, устроили в мою честь пиршество, созвали всех соседних браминов. Наступил час отъезда, и меня отпустили вместе с женой.

Тесть проводил нас благословениями и благопожеланиями, и когда мы тронулись в путь, залился слезами, слоено предчувствуя беду, которая стряслась над его дочерью.

Происходило это как раз в самый разгар летнего зноя, и в день нашего отъезда стояла самая несносная жара. А нам надо было переходить через бесплодную равнину, которая тянулась мили на две. Раскаленный песок опалил ноги моей жене, которая под родительским кровом получила очень нежное воспитание и не привыкла к таким странствованиям. Она принялась плакать и скоро, выбившись из сил, упала на землю.

Я был в ужасном затруднении. В это время к нам подошел караван купца, состоявший из множестваолов, нагруженных товарами. Я со слезами на глазах рассказал ему о своем горе и просил его помочь мне добрым советом.

Купец подошел к моей жене, внимательно осмотрел ее, и сказал, что жизни несчастной женщины грозит опасность, останется она тут сидеть или пойдет дальше.

— Чем видеть, как она умрет у тебя на глазах, — продолжал он, — ты бы уступил ее мне. Я ее посажу на лучшего вола и она избавится от верной смерти. Ты лишишься ее, это правда, но ведь лучше же лишиться ее, зная, что она осталась жива, чем видеть, как она умрет. Ее одежда и украшения стоят, примерно, двадцать пять пагод, вот тебе тридцать пагод, и отдай мне свою жену.

Рассуждения этого человека мне показались верными и вполне убедительными. Я взял деньги, которые он мне предложил, а он поднял мою жену, посадил ее на одного из волов и поспешил уехать.

Я тоже пошел своим путем и добрался до дома уже поздно вечером, с обожженными ногами, так как весь день шел по раскаленному песку.

— А где же твоя жена? — спросила меня мать.

Я ей рассказал со всеми подробностями обо всем, что произошло, как я рассудил, что лучше продать ее купцу, который мне встретился, чем быть свидетелем ее неминуемой смерти, да еще подпасть под подозрение, что я сам и был ее убийцею.

Мать моя, задыхавшаяся от негодования при этом рассказе, некоторое время и слова не могла вымолвить. Но потом ее гнев прорвался с неудержимою силою. Она не находила достаточно сильных слов, чтобы высказать мне свое чувство.

— Безумец, дурак, презренный! — кричала она. — Продать жену! Отдать ее чужому человеку! Жена брамина, проданная подлому торговцу! Да что теперь о нас подумают, что скажут люди нашей касты! Что скажут родители этой несчастной, когда узнают о такой гнусности! Кто поверит такой глупости, такому неслыханному безумию!

Печальная участь, постигшая мою жену, не замедлила дойти до сведения ее родителей. Они кинулись к нам взбешенные, с дубинами в руках, решив забить меня насмерть. Так бы и случилось со мной, и с бедною мою, ни в чем не повинною матерью, если бы мы, заслышав о том, что они идут на нас, не поспешили спастись бегством.

Не успев расправиться с нами, родители обратились в наш кастовый суд, который единогласно постановил взыскать с меня пеню в две ста пагод за бесчестье. Сверх того было объявлено, чтобы никто не смел выдавать за меня замуж дочь под страхом исключения из касты. Так я и был осужден на вечное одиночество. Хорошо еще, что меня не изгнали из касты, этим я был обязан добром имени, заслуженному моим отцом, которого многие еще

помнили.

Можете теперь сами судить, насколько эта глупость превышает все, что рассказывали мои спутники, и насколько основательная моя претензия на первенство.

После зрелого обсуждения всех обстоятельств дела почтенные судьи решили, что все четыре брамина дали непреложные доказательства своей глупости, и что все они имеют одинаковое право на первенство в этом отношении. Посему каждый из них смело может считать себя самым глупым из всех четырех и приписывать привет воина себе одному исключительно.

— Каждый из вас выиграет тяжбу, — сказал им председатель. — Идите с миром и продолжайте ваш путь, если можно, без ссоры и драки. Смотрите, как-нибудь не перепутайтесь между собою, не примите себя за другого, а другого за себя, да берегитесь, чтоб с вами чего не случилось дорогою, потому что страшно было бы подумать, чтоб ваша каста лишилась хоть одного из таких ценных своих представителей.

Все собрание хотело, слушая его напутствие, а четверо браминов, вполне довольные таким мудрым решением их распри, вышли из залы судилища, громко восклицая:

— Я выиграл тяжбу, привет воина — мой!

XI. Драматические произведения париев

Среди париев есть труппы странствующих комедиантов, так называемых домбару, которые чаще всего сами же и сочиняют весь свой репертуар. Но есть у них и древние драматические произведения, есть и списки этих произведений. Об их общем характере мы уже говорили: они нестерпимо неприличны. Из множества этих образчиков ярко порнографической литературы, мы выбираем один, который после некоторой цензуры еще может предстать перед европейской публикою. Правда, в нем волей-неволей пришлось оставить некоторую «смелость» мысли, но читатель не должен забывать, что перед ним развертывается картина совсем особенных нравов, склада жизни, и что если он хочет ближе рассмотреть эту картину, то ему надо кое с чем мириться.

Брама и баядерка

Фарс в двух частях.

Действующие лица:

Супрайя — старый, скупой и распутный брамин. Рангин — музыкант при погребальных шествиях, бродяга, обычно шатающийся по площадям и торжищам. Марьям а — баядерка (танцовщица). Котуал — смотритель базарной полиции. Маттар — деревенский староста.

Тотти — деревенский стражник, исполнитель приговоров. Толпа купцов и торговок, нищих, факиров.

Первая часть

Улица браминов в одном из местечек. Супрайя, Рангин, Котуал, Тотти, толпа.

Супрайя (*выбегает из своего дома*). Айо, айо! Меня обокрали, унесли мои деньги!

Рангин (*в отдалении поет*).

Красавицы-девицы. Не закрывайте волосами ваших прелестей, когда

на вас смотрят юноши...

Супрайя. Мои деньги, мои деньги, мои деньги!!! Мои сокровища!.. Десять коп *[note 6](#) святой воды тому, кто вернет мне мои сокровища!

Рангин (*выходя на сцену*). Что это за старый дурень кривляется и орет на улице?

Супрайя. Сто менгани *[note 7](#) риса тому, кто мне укажет вора!

Рангин. Э, да это почтенный Супрайя. Как это он до сих пор не пьян!

Супрайя. Кто мой вор, кто мой вор, кто мой вор?!

Рангин. Привет тебе, честный служитель Шивы!

Супрайя. Ты не видал его?

Рангин. Кого?

Супрайя. Не знаешь ли ты, кто он?

Рангин. О ком ты говоришь?

Супрайя. Да уж не ты ли пособлял ему?

Рангин. Я думал, он еще трезв, а он уже насосался каллу *[note 8](#) по горло!

Супрайя (*хватает его за руку*). Караул, караул! Я поймал вора!

Толпа (*вбегая на сцену*). Кого это схватил почтенный брамин?

Торговка. А, это Рангин, беспутный малый из Пунеара, тот, что играет на похоронах.

Один из толпы. И который по вечерам водит приезжих по веселым местам.

Супрайя. Хватайте его!.. Он меня обокрал!

Рангин. Первого, кто меня тронет, я тресну вот этим башмаком *[note 9](#)!

Хор пьяниц. Когда наше чрево налито араком, песни сами собой выливаются из нас... Здравствуй, Супрайя! Ты сегодня еще не пьян?

Супрайя. Помогите мне отвести его к Котуалу, он меня обокрал!

Пьяницы. Твоя казна, Супрайя, ведь это тот сок, который разливают по бродильным посудам. Так ты, Рангин, выпил его казну?..

Рангин. Как его обокрадешь, этого старого дурака?.. У него не найдется ни гроша во всем доме!

Толпа. Ай, ай! Можно ли так отзываться о брамине? Пьяницы. Пойдем к торговцу каллу, Супрайя! Там ты найдешь свое пропавшее сокровище! (*поют*).

Когда наша утроба налита араком, песни сами собою льются из нас. И все девушки кажутся красавицами. Боги променяли бы свой бессмертный напиток на божественный арак!

Толпа. Зачем тут шатаются эти бродяги? Ведь они едва на ногах

держатся!

Супрайя (*со слезами*) . Не давайте убежать вору!

Пьяницы (*поют*). Мы только что отпраздновали Сакти-Пуджа *[note 10](#)!..
Мы орошали красавиц, возложавших на цветах шафранною водою с примесью пяти ароматов!

Толпа. Берись за дубины, братцы! Выгоним отсюда эту сволочь, чтобы она не шумела на улице!

Супрайя! Мой вор, мой вор!

Пьяницы. Не трогайте дубин, почтеннейшие торговцы бетелем, медом и маслом, если не хотите, чтоб вас самих здорово отдули на глазах у ваших целомудренных супружниц.

Ко т у ал (*выходя на сцену*). Что за шум? Что за крики?

Супрайя. Господин Котуал, прикажите схватить вора!

Толпа. Господин Котуал, прикажите отвести в кутузку всех этих шалопаев, нарушающих наш покой.

Пьяницы. Господин Котуал, заставьте молчать всех этих ревунов, мы шли своей дорогою, а они нас оскорбляют!

Котуал. Ну-ну! Нечего разговаривать, вы, пьяницы!

Все разом. Господин Котуал, задержите вора!.. Господин Котуал, отведите в кутузку!.. Господин Котуал, заставьте молчать!

Котуал. Замолчите все! Пусть первый говорит этот почтенный брамин!

Супрайя. Господин Котуал, я зарыл двадцать пять пагод, дома, в углу, а сегодня утром, когда вернулся домой после омовения, смотрю — нет ничего!

Котуал. Двадцать пять пагод — сумма крупная... Да не осталось ли там чего, в ямке-то?..

Супрайя. Только три монеты!

Котуал. Дай их мне, честный подвижник! Надо их тщательно осмотреть.

Пьяницы. Вот это самое лучшее помещение для твоих капиталов, Супрайя— Теперь уж у тебя ничего не украдут, будь спокоен!

Котуал. Что это значит?

Пьяницы. Передайте нам эти пагоды, господин Котуал, мы их тоже тщательно осмотрим!

Котуал. Молчать! Я вас уморю под палками!

Пьяницы. Эти деньги будут целее в наших руках, чем в ваших, глубокочтимый Котуал. Вы теперь натощак, а мы уже готовы!

Котуал. Вы дорого заплатите за вашу дерзость! Эй, Тотти!

Тотти(*входя*). Здесь я, господин Котуал

Котуал. Отведи всех этих людей в кутузку!

Пьяница. Пусть-ка этот дурень попробует дотронуться до коммути *[note 11](#)! Мы ему все ребра пересчитаем, да и тебе заодно, Котуал!

Котуал. Вы коммути? А я вас и не распознал под слоем шафрана, покрывающим ваши лица... Привет вам, господа коммути!

Толпа. Привет, привет вам, господа коммути!

Котуал. Ну, значит, этот молодец у нас за все и поплатится!

Супрайя. Это вор. Он меня обокрал!

Котуал. Я уже давно слежу за тобой, Рангин, и сегодня ты получишь за все!

Рангин. Как? Вы слушаете этого старого дурака?

Котуал. За эти слова ты получишь лишний десяток дубин.

Супрайя. Это вор! Это вор!

Котуал. Зачем ты очутился на улице в такой ранний час? Что может тут делать в такое время человек твоей презренной касты?

Рангин. Я возвращался с похорон, а этот пьяница вдруг на меня напал и начал орать, будто я обокрал его.

Котуал. Ты опять за то же?

Рангин. Ты сам видишь, что он сейчас пьянее, чем ты бываешь к вечеру!

Пьяницы. Браво, Рангин!

Толпа. Неужели его нельзя заставить замолчать?

Котуал. Он осмеливается оскорблять смотрителя базарной полиции!

Рангин. Ты иди, лучше, да будь смотрителем собственного дома. Там ты усмотришь, что все серьги, браслеты, кольца, ожерелья у твоей жены, сестер и дочерей добыты от гульбы с молодыми и богатыми коммути.

Котуал. Ну, Тотти, нечего зевать, бери этого человека и веди его...

Маттар (*выходит на сцену в сопровождении полицейских*). Что тут такое, Котуал? Что тут за шум, из-за которого я не доспал сегодня несколько часов?

Котуал. Да вот, тут разбушевался Рангин...

Маттар. А, Рангин?.. Дать ему десять палок!

Рангин. Господин Маттар! Маттар. Пятнадцать палок!!.

Котуал. Он осмелился...

Маттар. Двадцать палок!!.. И сейчас же, немедленно!.. (*Уходит. Полицейские хватают Рангина и уводят*).

Котуал. Ага, теперь ты примолк, Рангин, прикусил язычок!

Рангин (*уводимый полицейскими*). Это пока только дождь, а вот погоди, придет и гроза, тогда поглядим, на кого упадет град. (*Полицейские*

уводят его).

Супрайя. А мои три пагоды, господин Котуал? Вы их еще не подвергли осмотру?

Котуал. Я их беру в возмещение расходов по задержанию преступника.

Пьяницы. Пойдем с нами пить, Супрайя! Утешь свое горе араком, Супрайя! (*Уходя с пением*).

Супрайя. Айо, айо!.. Кто теперь защитит меня от двух воров!

Вторая часть

Кокосовая роща вблизи проезжей дороги.

Рангин. Так, смотри же, Марьяма, если хорошо разыграешь всю эту штуку, получишь от меня пять пагод, как мы уговорились.

Марьяма Хорошо, будь спокоен.

Рангин. Вот и Супрайя! Я теперь спрячусь.

Супрайя (*выходя на сцену*). Это что за красавица? А какие у ней губки! Точно цветочки!.. Куда это ты спешишь, красавица, со своею посудиною?

Марьяма. Иду за водою к Неллорскому ручью.

Супрайя. Да зачем же так далеко ходить? Ведь тут недалеко отличный источник.

Марьяма. Разве ты не видишь, господин брамин, что говоришь с девушкою отверженной касты, которая не имеет права брать воду из источника?

Супрайя. Твои очи прелестнее лепестков голубого лотоса! Из уст твоих источается сладостное благовоние! Такая красавица, как ты, достойна быть дочерью брамина.

Марьяма. Отойди от меня, достопочтенный брамин! Ведь если увидят, что ты со мною разговариваешь, тебя изгонят из твоей касты, ты сам это знаешь.

Супрайя. Не бойся ничего. Тут место пустынное, никто не увидит.

Марьяма Я не могу терять время. Моя мать ждет воду, готовит ужин.

Супрайя. Пойдем-ка лучше вот в эту рощицу, побеседуем там, проведем время!

Марьяма. Я не могу. Меня не будут ждать. Брат придет за мной сюда, увидит...

Супрайя. Я понимаю, тебе больше нравятся молодые. Но не пренебрегай стариками! За ними опыт жизни!

Марьяма. А чем ты меня вознаградишь?

Супрайя. О, красавица! Знай, что брамины умеют так награждать, что

Боги завидуют.

Рангин (*из своей засады*). Ах ты, старый мошенник!!

Марьяма. У нас дома часто и рису не бывает.

Супрайя. У меня есть немного мелочи, я тебе отдаю ее. Да еще дам тебе ладонку, которая была погружена в священную воду Ганга и исцеляет от лихорадки.

Марьяма. Дай мне также твою одежду.

Супрайя. Как же я вернусь домой без одежды?

Марьяма. Ну, как хочешь. Дасть — пойду с тобою, а нет — не пойду.
(Супрайя дает ей одежду. Она быстро ее комкает и с хохотом убегает).

Рангин (*выходя на сцену*). Доброго здоровья, Супрайя! О-о, да в каком чудесном костюме ты прогуливаешься!

Супрайя (*прячась за кокосовый лист*) . Ты зачем тут, бродяга?

Рангин. Пришел отдать тебе долг, — двадцать палок, которые получил сегодня утром.

Супрайя. Как, ты осмелишься поднять руку на брамина? Рангин. Подниму на самого Вишну, коли он меня ударит. А кроме того, я дам тебе еще лишних двадцать палок за то, что ты обидел мою сестру Марьяму.

Супрайя. Ты смеешься надо мною? Бить брамина за девку презренного племени париев!

Рангин. А я сам кто? Разве не пария?

Супрайя. Пусти меня, Рангин. Я тебе подарю лучшую козу из моего стада.

Рангин (*бьет его*). А пока что, получи-ка вот это! У меня, брат, разговаривать времени нет!

Супрайя. Айо, айо, айо!.. (*Убегает. Рангин бежит за ним и все время колотит его*).

Пьяницы. Что это за крики? Кто бы мог подумать, что в этом месте, где слышны лишь поцелуи, вдруг раздадутся крики!

Супрайя. Ко мне! Помогите! Подлый пария осмеливается бить брамина!

Пьяницы. Э, да это старый Супрайя! Что это ты вздумал прогуливаться без всякой одежды?

Супрайя. Защитите меня от парии!

Пьяницы. Рангин не пария. Он из касты ядаваль ^{*note 12}.

Рангин. Я вернул ему те палочные удары, которые он мне удружила сегодня утром, да добавил еще два десятка за то, что он приставал к моей сестре.

Пьяницы. Радуйся же, Супрайя! Ведь он тебе вернул твое сокровище!

(Уходят с песнями. Брамин пользуется случаем, что никого нет и быстро убегает).

Котуал *(выходя на сцену)*. Что это тут за шум?

Рангин *(спрятавшийся за деревом)*. О, Шива! Это ты мне посылаешь его! Я принесу на твой жертвенный десять чаш душистого масла!

К о ту ал. Наверное безобразничают богатые коммути! Все еще не могут опомниться после своего праздника! *(Входит Марьяма с кувшином на голове)*. — Что это за красавица? Можно подумать, что это дева-танцовщица из обители Индры! Куда это ты так спешишь, словно испуганная лань?

Марьяма. Поздно уже, тороплюсь домой, несу воду.

Котуал. Глаза твои пустили в меня стрелу любви. Сам Кама *[note 13](#) прельстился бы твою красотою.

Марьяма. Не говори мне таких непристойных слов.

Котуал. Дай мне цветок из твоих черных волос!

Марьяма. Что скажут мои подруги, если увидят, что я говорю с мужчиной в таком пустынном месте?

Котуал. Скажут, что напрасно ты бежишь от любви, которую внушила...

Марьяма. Я не понимаю твоих слов. Котуал. Скажут, что ты должна погасить огонь, который зажгла.

Марьяма. Скоро наступит ночь. Пусти меня, мне надо идти домой.

Котуал. Пущу, но сначала ответь мне на мою любовь!

Марьяма. Что мне делать?

Котуал. Уступи моим мольбам!

Марьяма. Одних слов мало, чтобы доказать любовь.

Котуал. Вот, возьми этот перстень! На нем вырезаны буквы моего имени. Завтра ты мне его вернешь, и я его выкуплю у тебя за двадцать пагод.

Марьяма. Нет, я лучше оставлю его у себя.

Котуал. Нельзя, это мой должностной знак, я не могу его отдать тебе.

Марьяма. Ну, дай мне его, и я согласна... *(Котуал отдает ей перстень, а Марьяма с хохотом убегает)*.

Рангин *(выходит из засады)*. Здравия желаю, господин Котуал.

Котуал. Ты тут зачем очутился, бездельник?

Рангин. Да вот, пришел вам отдать эту дубинку, которую вы забыли сегодня утром на базарной площади.

Котуал. Я с тобой балагурить не желаю, и если ты осмелишься со мной так разговаривать, так я тебя вздую еще покрепче, чем утром!

Ранги н. Я и не думаю балагурить, а говорю очень серьезно. И я вам верну не только дубинку, но и двадцать ударов, да накину еще столько за то, что вы приставали к моей сестре.

Котуал. Я тебя завтра уморю под дубинками.

Рангин. Завтра ты дорого мне заплатишь за то, чтобы я тебе вернул твой перстень. Ну, а теперь, вот тебе старый долг, получай! (*Бьет его дубинкою*).

Котуал. Айо! Айо! Айо!..

Пьяницы (*выходя на сцену*). Что за шум? Что за крики?.. Ах, да это сам господин Котуал! Здравствуйте, господин Котуал!

Котуал. Господа коммути! Помогите мне, защитите меня от этого бродяги!

Пьяницы. Рангин вовсе не бродяга. Он добрый малый. Он аккуратно платит свои долги и трубит на трубе для мертвых и для живых.

Котуал. Сейчас же пойду прямо к судье!

Пьяницы. Иди, иди, да торопись, господин Котуал! Скажи ему, кстати, что мы сидели тут и видели, как ты отдал свой перстень красавице Марьяме.

Котуал. Пропала моя голова!

Рангин. Ничуть! Можно все это дело покончить по хорошему. Ты примешь полным числом палочные удары, а я от тебя приму завтра полсотни пагод и отдам тебе твой перстень.

Пьяницы. Вот это так! Никому не обидно. Пойдем с нами, Рангин, повеселимся вместе!

Рангин. Прощайте, господин Котуал! Дождь прошел, пошел град! (*Пьяницы уходят с песнями*). Ну, Марьяма, получай свои пять пагод, ты ловко обделала дело! А теперь пойдем в рощу. Там все твои подруги с коммути и у них, золото, арак и каллу! Идем!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Note1

Каста купцов

Note2

Дело идет о переселениях душ, о перевоплощениях, в которые индузы веруют

Note3

Каша — монетка ценностью около четверти копейки

Note4

В Индии обрезка волос — как наказание за нарушение супружеской верности — считается колоссальным бесчестием для женщины

Note5

Бетельарековая пальма (Areca Catechu). Его листья индусы жуют, чтобы окрасить себе зубы в черный цвет. Соль рассказа состоит в том, что целый пук этих листьев продается чуть не за грош

Note6

Копа — маленькая мера жидкости, около 1/100 ведра

Note7

Менгани — мера сыпучих, около четверти фунта

Note8

Спиртной напиток из сока кокоса

Note9

Удар обувью считается у индусов самым тяжким оскорблением

Note10

Нечто вроде сатурналий

Note11

Каста купцов в Малабарской области

Note12

Рангин нарочно сказал Супрайе, что он пария, чтобы усилить оскорбление

Note13

Бог любви, индусский Купидон